

Секреты, которые мы храним. Три женщины, изменившие судьбу «Доктора Живаго»

Автор:

[Лара Прескотт](#)

Секреты, которые мы храним. Три женщины, изменившие судьбу «Доктора Живаго»

Лара Прескотт

Легендарные книги и писатели

«В конце рабочего дня, накрыв печатные машинки чехлом, мы ни слова не говорили о том, чем занимались на работе. В отличие от некоторых мужчин, мы были в состоянии хранить секреты». Эта книга объединяет драматичные истории трех женщин, каждая из которых внесла свой вклад в судьбу романа «Доктор Живаго». Пока в Советском Союзе возлюбленная Бориса Пастернака Ольга Ивинская стойко выдерживает все пытки в лагере для политзаключенных, две девушки-секретарши из Вашингтона, Ирина и Салли, помогают переправить текст романа за рубеж. Каждая из них сделает все возможное, чтобы книга увидела свет, несмотря на запреты, страх и боль. Книга «Секреты, которые мы храним» мгновенно стала бестселлером New York Times. Она сочетает в себе захватывающую историю о шпионских играх, политике, большой литературе и величайшей любви XX века. И, конечно, это ода женщинам, сильным и хрупким одновременно, женщинам, которые никогда не сдаются. От подмосковной усадьбы до застенков ГУЛАГа, от Вашингтона до Парижа – они раз за разом доказывают, что мир – в их руках.

Лара Прескотт

Секреты, которые мы храним. Три женщины, изменившие судьбу «Доктора Живаго»

THE SECRETS WE KEPT: A NOVEL

© Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Мэтту

«Я хочу быть с теми, кто знает секреты, или совсем один».

Райнер Мария Рильке

Пролог. Машинистки

Мы печатали со скоростью сто слов в минуту и никогда не пропускали ни одного слога. На наших одинаковых рабочих столах стояли зеленые печатные машинки Royal Quiet Deluxe, черный телефон компании Western Electric и лежала стопка желтых листов бумаги для стенографии. Наши пальцы летали по клавишам, и вокруг нас стоял непрерывный стук. Мы переставали печатать только ради того, чтобы затянуться сигаретой или ответить на телефонный звонок. Некоторые из нас могли одновременно делать и то и другое.

Мужчины приходили около десяти утра и уводили нас по одной в свои офисы.

Мы сидели на небольших, стоящих в углу стульях, а они – за большими столами из красного дерева или расхаживали по ковру и говорили, обращаясь к потолку. Мы слушали. И мы записывали. Мы были их аудиторией, слушающей тексты служебных записок, отчетов, письменных ответов и заказов того, что они будут есть на ланч. Иногда они полностью забывали о нашем присутствии, и мы узнавали, кто кого «подсиживает», кто самоутверждается за счет других, показывая свою силу, кто завел интрижку на стороне, кто в фаворе, а кто – нет.

Иногда мужчины обращались к нам не по имени, а по цвету волос или особенностям комплекции: Блондинка, Рыжая, Сиськи. Мы не оставались в долгу и тоже давали мужчинам клички: Зубы, Кофейное Дыхание, Бабник.

Они называли нас «девушками», но мы таковыми уже давно не были.

До того, как попасть в Агентство, каждая из нас окончила колледж: Вассар, Рэдклифф или Смит. Мы были первыми дочерьми в своих семьях, получившими высшее образование. Некоторые из нас говорили на китайском. Некоторые умели управлять самолетом. Некоторые стреляли из Кольта модели 1873 года точнее, чем Джон Уэйн. Однако во время интервью при приеме на работу каждой из нас задавали один и тот же вопрос: «Вы умеете печатать?»

Говорят, что печатная машинка создана для женщин – чтобы клавиши «запели». Они рассчитаны на узкие, женские пальцы. Мужчины считают, что машины, ракеты и бомбы – это их творение, а вот пишущие машинки – это для женщин.

Но это спорный вопрос. Единственное, что мы можем с уверенностью сказать, так это то, что, когда мы печатали, пальцы становились продолжением нашего мозга и без промедления фиксировали чернилами на бумаге вырывающиеся из их ртов слова – слова, которые, как мужчины подчеркивали, мы должны незамедлительно забывать. Когда начинаешь задумываться о процессе того, как это происходит, то все кажется почти поэтическим. Почти.

Но вот вопрос – стремились ли мы получить головную боль, плохую осанку и заработать боль в кистях? Об этом ли мы мечтали, учась в колледжах и вкладывая в учебу в два раза больше сил, чем мальчики? Мечтали ли мы о работе машинистками, когда открывали конверты с письмами о принятии в колледж? О какой карьере мы мечтали, сидя на белых стульях в мантиях и квадратных шапках с кисточками во время церемонии вручения дипломов?

Ведь судя по нашим дипломам мы обладали гораздо большей квалификацией и знаниями, чем требовалось для работы клерком.

Большинство из нас воспринимало работу машинистки как что-то временное. Даже друг другу мы не признавались об этом вслух. Но многие из нас верили в то, что эта работа станет первым шагом к тому, что мужчины получали по окончании колледжа. Это право быть ответственными работниками, имеющими свои собственные офисы с мягким ковром, деревянным столом и стоящей на нем и дающей мягкий свет лампой. А также иметь машинистку, которая записывает сказанные мужчиной слова. Несмотря на то, что нам твердили всю нашу жизнь, мы воспринимали эту работу как начало, а не как конец.

Другие женщины приходили в агентство не для того, чтобы начать свою карьеру, а чтобы завершить ее. Раньше эти женщины работали в Управлении стратегических служб и во время войны совершили много героических поступков. После окончания войны часть из них перевели в пул машинисток или назначили на должность в департаменте архивов, где они получили свой стол в углу, но были полностью отстранены от ответственной работы.

Вот, например, Бетти. Во время войны она занималась пропагандистскими операциями в тылу врага, а именно составляла тексты листовок, которые сбрасывали с самолетов. Мы также слышали о том, что Бетти организовала доставку динамита подрывнику, который взорвал товарный поезд где-то в Бирме. На самом деле сложно было быть уверенной в чем-либо на сто процентов, потому что архивы Управления стратегических служб имели тенденцию мистически исчезать. Точно мы знали только одно:

теперь Бетти сидела за столом вместе со всеми нами, а ее бывшие коллеги-мужчины, окончившие самые престижные вузы, с которыми она во время войны была на равных, стали ее начальниками.

Среди нас была Вирджиния. В любую погоду она сидела, накинув на плечи толстый желтый пиджак, и в пучок волос на ее голове был воткнут карандаш. Под столом Вирджинии стоит всего одна туфля. Вторая ей не нужна, так как ногу ампутировали еще в детстве после несчастного случая во время охоты.

Свой протез Вирджиния называет именем Катберт и, когда выпьет, может снять его и дать вам подержать. Она редко вспоминает о своей работе в Управлении стратегических служб, и если не знать историй, которые некоторые рассказывают о ней, то можно было бы принять ее за обычную стареющую даму на госслужбе. Но мы-то слышали эти истории. Например, о том, как однажды Вирджиния переделалась в пастушку и привела к границе стадо коров вместе с двумя бойцами французского сопротивления. О том, как в гестапо ее считали самой опасной из всех шпионок союзников, учитывая то, что у нее и тогда был Катберт. Иногда мы встречались с Вирджинией в коридоре, вместе ехали в лифте или видели, как она ждет автобус № 16 на углу E and Twenty-First. Нам хотелось расспросить ее о тех днях, когда она воевала с нацистами, и о том, вспоминает ли она те времена, сидя за столом в ожидании новой войны, или же просто ждет окончания рабочего дня.

Бывших сотрудниц Управления стратегических служб уже давно пытались выпихнуть на пенсию. В новой холодной войне они были им совершенно не нужны. Казалось, что в эту новую эпоху женские пальцы, еще недавно спускавшие курки, больше подходят для того, чтобы стучать по клавишам печатных машинок.

Но кто мы такие, чтобы жаловаться? Это была хорошая работа, и нам повезло, что она у нас была.

Во всяком случае, она была гораздо интереснее многих других работ в государственном аппарате. Работать в министерстве сельского хозяйства? Или внутренних дел? Да кому это нужно?

Мы работали в департаменте Советской России, или СР. Агентство было своеобразным мужским клубом, и мы создали в нем свою собственную группу. Мы начали называть нашу организацию Пулом, и этот союз делал нас сильнее.

Мы жили недалеко от здания Агентства. В плохую погоду можно было добраться до работы на трамвае или автобусе, а в хорошую – пешком. Большинство из нас жили недалеко от центра: в районах Джорджтаун, Дюпонт, Кливленд Парк и Катедрал Хайтс. Каждая из нас жила в полном одиночестве в настолько маленькой комнатухе, что, вытянувшись в ней во весь рост, можно было темечком головы и пальцами ног прикоснуться к стенам. Мы жили в последних,

вскоре исчезнувших общежитиях на Масс-авеню с двухъярусными кроватями и комендантским часом, начинавшимся в десять тридцать вечера. У многих из нас были соседки по комнате – девушки, которые тоже работали в государственных организациях. Наших соседок звали именами вроде Агнес или Пег, и они всегда оставляли в раковине в ванной свои розовые пластиковые бигуди, на кухне испачканный в арахисовой пасте нож для масла и плохо заворачивали в бумагу гигиенические прокладки, которые выбрасывали в небольшую мусорную корзину, стоящую около раковины.

В то время одна лишь Линда была замужем, да и та совсем недавно. Замужние женщины не оставались машинистками надолго. Некоторые работали до тех пор, пока не забеременеют, но, как правило, только на руке появлялось обручальное кольцо, они тут же увольнялись. Обязательно устраивали проводы, на которых в комнате для отдыха персонала мы ели торт, купленный в магазине Safeway. Мужчины иногда заходили на кусочек торта и говорили, что им очень жаль, что дама увольняется, но мы замечали, что их глаза горят при одной только мысли о том, что на освободившемся месте появится новая, более молодая девушка. Мы обещали друг другу не терять связь, но после свадьбы и рождения ребенка они переезжали в далекие пригороды – в районы Фэрфакс, Александрию или Бетесда, куда нужно было ехать на такси или на автобусе с двумя пересадками. Туда можно было съездить один раз для того, чтобы поздравить с рождением первого ребенка, но после этого шанс снова увидеться становился крайне низким.

Большинство из нас были одиночками и ставили карьеру выше личной жизни, в чем, как нам неоднократно приходилось объяснять своим родителям, не было никакой политической декларации или позы. Бесспорно, мы гордились тем, что окончили колледж, но с каждым новым годом, посвященным карьере, а не детям, нам самим становилось все более непонятным наше упорно незамужнее состояние и желание жить в городе, построенном на болоте.

Летом в Вашингтоне была высокая влажность, словно под мокрым одеялом, а комары были яростными и полосатыми, как тигры. Накрутишь с вечера волосы, но, как только выйдешь утром на улицу, они тут же сдуваются, как проколотые шины. В трамваях и автобусах чувствуешь себя как в сауне, и еще там пахло гнилыми губками. За весь день потным и разбитым не чувствуешь себя только стоя под холодным душем.

Зимой в Вашингтоне не легче. Укутываешься и бегом бежишь от автобусной остановки, уворачиваясь от холодного ветра, который дует со стороны скованного льдом Потомака.

Лучшее время года в Вашингтоне – это, конечно же, осень. Деревья на Коннектикут-авеню становятся похожими на опадающие красные и оранжевые фейерверки. Температура воздуха становилась комфортной, и можно было не волноваться по поводу пятен пота под мышками на блузке. Продавцы хот-догов начинали продавать печеные каштаны в небольших коричневых бумажных пакетах. Пакета хватало на обратную дорогу домой.

Весной расцветала вишня и приезжали автобусы с туристами. Туристы осматривали памятники и, игнорируя предупреждающие надписи, срывали с клумб розовые и белые цветы, чтобы заложить за ухо или воткнуть в нагрудный карман пиджака.

Весна и осень были теми временами года, когда хотелось немного задержаться на Районе, присесть на лавочку или пройтись вокруг прямоугольного пруда у мемориала Линкольну. Внутри здания Агентства, расположенного на Е-стрит, светили безжалостно яркие флуоресцентные лампы, свет которых подчеркивал блеск на наших лбах и поры на наших носсах. Но когда мы уходили после окончания рабочего дня, то прохладный воздух прихватывал наши голые руки, и мы возвращались домой пешком через Молл. Тогда построенный на болоте город становился похожим на туристическую открытку.

Всем нам была знакома боль в запястьях и пальцах от написания бесконечных отчетов и служебных записок.

Мы печатали так много, что нам это даже снилось ночью. Спустя годы мужчины, с которыми мы спали, говорили, что наши пальцы иногда дергаются во сне. Во второй половине дня каждые пять минут мы посматривали на часы. Мы помним порезы от листов бумаги, жесткую туалетную бумагу, помним, как утром по понедельникам паркет пах мылом Murphy Oil и как наши высокие каблуки скользили на полу после того, как его натирали мастикой.

Мы помним ряд окон в дальнем конце отдела СР, которые были расположены слишком высоко для того, чтобы из них было удобно смотреть, и единственное, что было видно из этих окон, так это серое здание госдепа на противоположной стороне улицы, выглядевшее точно так же, как и наше серое здание. Мы думали о том, кто работает в пуле машинисток госдепа. Были ли эти женщины похожи на нас? Как они жили? Выглядывали ли они из окон своего серого здания и думали о том, как живется нам?

В то время каждый рабочий день казался запоминающимся и непохожим на остальные. Вспоминая те времена сейчас, кажется, что все дни смешались воедино, и никто из нас уже не в состоянии сказать, в 51-м или 55-м году была та корпоративная рождественская вечеринка, на которой Уолтер Андерсон залил себе рубашку красным вином, отключился на стойке ресепшен, и кто-то приколот к его нагрудному карману пиджака записку со словами: «Не реанимировать». Мы уже не помним, за что уволили Холли Фэлкон – за то, что появились ее обнаженные фотографии, снятые заезжим разведчиком в переговорной на втором этаже, или, наоборот, после появления этих фотографий ее повысили, а уволили вскоре после этого по какой-то другой причине.

Но есть вещи, которые мы точно помним.

Любой посетитель штаб-квартиры, увидев, как одетая в аккуратный костюм из твида женщина входит за мужчиной в дверь кабинета или женщину на ресепшен в красных туфлях на высоких каблуках и красном свитере из шерсти ангоры, мог бы предположить, что эти дамы являются секретарями, машинистками или стенографистками. Формально эта догадка была бы совершенно правильной. Но в то же время она была бы не совсем правильной. Секретарь – это человек, которому доверяют секреты. Слово имеет латинские корни: *secretus, secretum*. Все мы записывали под диктовку, но некоторые из нас занимались не только этим. В конце рабочего дня, накрыв печатные машинки чехлом, мы ни слова не говорили о том, чем занимались на работе. В отличие от некоторых мужчин, мы были в состоянии хранить секреты.

Восток. 1949–1950

Глава 1. Муза

Когда пришли мужчины в черном, моя дочь предложила им чай. Они согласились, словно мы пригласили их в гости. Потом, когда они начали вываливать на пол содержимое из выдвижных ящиков, скидывать с полок книги, переворачивать матрасы, просматривать содержимое гардероба, Ира сняла с плиты чайник и убрала в сервант чашки и блюдца.

Потом, когда один из них вышел из комнаты с ящиком документов и приказал остальным забирать все, что имеет отношение к делу, мой младший, Митя, вышел на балкон, на котором держал ежа. Он спрятал его под свитер, словно незваные гости могли забрать его маленького питомца. Один из мужчин, тот, который чуть позже лапал мою попу, подсаживая в «воронок», положил ладонь на Митину голову и сказал ему, что он – хороший мальчик. Мой послушный Митя оттолкнул его руку и ушел в спальню, которую делил со своей сестрой.

В то время, когда мужчины вошли в квартиру, моя мама была в ванной. Она вышла в халате, ее лицо порозовело, а волосы были мокрыми.

– Я же тебе говорила, что все так и будет. Я предупреждала о том, что они придут.

Мужчины просматривали письма, которые мне писал Борис, мои записи, вырезки из журналов и газет, книги, списки покупок, сделанные перед походом в магазин.

– Ольга, я говорила, что из-за него у тебя будут одни проблемы.

Прежде чем я успела что-то ответить матери, один из мужчин взял меня за руку – взял не как пришедший арестовать меня человек, а скорее как любовник, – и, дыша мне в ухо, тихо сказал, что нам пора идти.

Я замерла. К реальности меня вернул плач детей. Дверь за нами захлопнулась, но их крики и плач стали только громче.

Машина два раза повернула налево, потом направо. Потом еще раз направо. Мне не надо было смотреть в окно, чтобы понять, куда меня везут. Я сказала одному из мужчин, пахнувшему капустой и жареным луком, что мне дурно, и он приоткрыл окно машины. Несмотря на поток свежего воздуха, мне не становилось лучше, и, когда в окне появилось большое желтое здание, рвотные позывы стали еще сильнее.

Еще ребенком меня научили задерживать дыхание и ни о чем не думать, проходя мимо здания на Лубянке. Говорили, что на Лубянке умеют читать антисоветские мысли. В то время я и понятия не имела, что такое антисоветские мысли.

Машина сделала круг на площади вокруг памятника и через ворота въехала во внутренний двор. Я почувствовала привкус желчи во рту и быстро сглотнула. Сидевшие со мной рядом мужчины отодвинулись от меня как можно дальше.

– Какое самое высокое здание в Москве? – спросил пахнувший луком и капустой оперативник, открывая дверцу. Я не смогла сдержаться, наклонилась, и меня вырвало на булыжники внутреннего двора яичницей, которую я съела за завтраком. Струя рвоты чуть было не попала на его нечищенные ботинки. «Конечно, это Лубянка. Говорят, что из ее подвалов можно увидеть всю Сибирь».

Второй мужчина рассмеялся и потушил сигарету о подошву ботинка.

Я два раза сплюнула и вытерла рот тыльной частью ладони.

Войдя в большое здание желтого цвета, мужчины в черном передали меня двум женщинам в форме, предварительно посмотрев на меня так, будто я должна была быть благодарна за то, что не они будут отводить меня в камеру. Крупная женщина с еле заметными усиками на верхней губе сидела на деревянном стуле в углу, а женщина поменьше ростом попросила меня раздеться, таким мягким голосом, каким обращаются к ребенку с просьбой сходить в туалет. Я сняла пиджак, платье, обувь и встала перед ними в нижнем белье телесного цвета. Женщина небольшого роста внимательно рассмотрела мои кольца и часы. Она бросила часы и кольца в металлический ящик со звуком, отразившимся эхом от бетонных стен, и жестом приказала мне снять бюстгальтер. Я отказалась, скрестив руки на груди.

- Лифчик остается у нас, - произнесла сидевшая на синем стуле женщина. Это были ее первые обращенные ко мне слова. - Чтобы ты не повесилась в камере.

Я сняла бюстгальтер, и холодный воздух ударил мне в грудь. Они внимательно и критично осмотрели мое тело. Даже в таких ситуациях женщины оценивают друг друга.

- Ты беременна? - Спросила крупная женщина.

- Да, - ответила я, в первый раз признав вслух, что это так.

Последний раз мы с Борисом занимались любовью спустя неделю после того, как он в третий раз пытался со мной расстаться.

- Все кончено, - сказал он, - мы должны это прекратить.

Я была причиной его боли. Я разрушала его семью. Он сказал мне все это, когда мы шли по переулку в районе Арбата. Я упала рядом со входом в булочную, он попытался помочь мне встать на ноги, но я закричала, чтобы он меня не трогал и оставил в покое. Прохожие останавливались и смотрели на эту сцену.

Спустя неделю Борис пришел ко мне домой. Он принес подарок - роскошное японское платье, которое сестры купили ему в Лондоне.

- Примерь его, - умолял он.

Я зашла за ширму и надела платье. Ткань была жесткой, топорщилась на животе, размер платья был явно не мой. Оно было велико, наверное, он сказал сестрам, что оно предназначалось его жене. Мне платье не понравилось, и я сказала ему об этом прямо. Он рассмеялся.

- Тогда снимай, - попросил он. Я так и сделала.

Спустя месяц кожу начало покалывать, словно я погружалась в горячую ванну в холодной комнате. Я уже знала, что значит это покалывание. У меня было что-то

подобное перед рождением Иры и Мити. Я была беременна.

– В ближайшее время тебя осмотрит доктор, – сказала тюремщица пониже ростом.

Меня обыскали, отняли все вещи, выдали серый балахон и тапки на два размера больше, после чего отвели в камеру с бетонными стенами, в которой лежал коврик и стояло ведро.

В этой камере меня продержали три дня. Два раза в день там давали кашу на прокисшем молоке. Приходил доктор и подтвердил то, что я уже знала. Я должна была оградить растущего во мне ребенка от ужасов, которые, как я слышала, происходили с другими женщинами в этих камерах.

Через три дня меня перевели в другую камеру. Это была комната с цементными стенами, в которой находилось четырнадцать женщин-заключенных. Мне указали на кровать, представлявшую собой прикрученную к полу металлическую раму. Как только за вертухаями закрылась дверь, я сразу прилегла.

– Сейчас нельзя спать, – сообщила мне молодая женщина на соседней койке. У нее были худые руки с содранными локтями. – Сейчас придут и тебя разбудят. Днем запрещено спать, – она показала пальцем на флуоресцентные лампы на потолке.

– Тебе сильно повезет, если ночью ты поспишь хотя бы час, – сказала другая женщина. Она была немного похожа на первую, но гораздо старше. Я подумала о том, что эти женщины могут быть родственницами, или после пребывания в тюрьме в одинаковой одежде и в свете ярких ламп все становятся похожими друг на друга. – Потому что ночью нас уводят для того, чтобы... на разговорчик.

Женщина помоложе как-то странно посмотрела на женщину постарше.

– И что вы делаете вместо сна? – спросила я.

– Ждем.

– И играем в шахматы.

– В шахматы?

– Да, – ответила женщина, сидевшая за столом в другом углу комнаты, подняв в воздух сделанного из наперстка «слона». – Ты умеешь играть?

Я не умела играть в шахматы, но в течение следующего месяца научилась.

Каждую ночь охранники вводили по очереди несколько женщин в камеру № 7.

Каждая отсутствовала несколько часов и возвращалась молчаливая и с красными глазами. Я морально готовилась к тому, что меня вызовут на допрос, но все равно была очень удивлена, когда за мной пришли.

Меня разбудил стук деревянной дубинки по голому плечу.

– Фамилия? – рявкнул охранник. Те, кто приходили за нами ночью, перед тем, как увести человека, всегда спрашивали фамилию. Я ответила. Охранник приказал мне одеться и пристально следил за каждым моим движением, пока я это делала.

Мы прошли по длинным темным коридорам и спустились на несколько лестничных пролетов. Интересно, правдивы ли слухи о том, что здание на Лубянке уходит на двадцать этажей под землю и соединяется с Кремлем туннелями, ведущими в построенный во время войны бункер Сталина.

Меня провели по очередному коридору и подвели к двери с табличкой «271». Охранник слегка приоткрыл дверь, заглянул внутрь, после чего со смехом ее распахнул. За дверью оказалась не камера, а кладовая. На полках стояли банки тушенки, коробки с чаем и мешки с мукой. Охранник хмыкнул и показал мне на расположенную в дальней стене комнаты другую дверь без таблички с номером. Я открыла ее. В глаза ударил яркий свет. Я увидела рабочий кабинет с комфортной обстановкой, похожей на ту, которая бывает в лобби дорогого отеля. Вдоль одной из стен был расположен книжный шкаф, на полках которого стояли книги в кожаных переплетах. Вдоль противоположной стены выстроилось три охранника. За столом в центре комнаты сидел мужчина в военной гимнастерке. На столе стояли стопки книг и лежали пачки писем. Моих

книг и моих писем.

– Присаживайтесь, Ольга Всеволодовна, – произнес мужчина. У него были округлые плечи человека, который провел всю жизнь, склонившись над рабочим столом. Пальцы с ухоженными ногтями сжимали чашку с чаем. Я села на небольшой стул, стоявший напротив стола.

– Извините, что так долго не вызывал вас, – произнес мужчина.

– Я не сделала ничего плохого. Отпустите меня. У меня семья... – начала я речь, которую готовила несколько недель.

Он поднял вверх палец.

– Ничего плохого? – переспросил он. – Мы сами это решим... со временем, – он вздохнул и поковырялся в зубах толстым желтым ногтем большого пальца. – Со временем, как я уже сказал.

Я надеялась на то, что меня скоро освободят, все недоразумения останутся в прошлом, и я встречу Новый год с бокалом грузинского вина у зажжённого камина в обществе Бориса.

– Так что же вы сделали? – мужчина покопался в бумагах и достал документ, отдаленно напоминающий ордер. – «Выражала антисоветские настроения террористической направленности», – зачитал он, словно список ингредиентов для приготовления медовика.

Считается, что человек холодеет от ужаса. Меня же его слова обожгли словно огонь.

– Пожалуйста, – попросила я. – Я хочу поговорить со своей семьей.

– Позвольте представиться, – произнес мужчина, откинувшись на спинку кресла. Заскрипела кожа обивки. – Ваш покорный следователь. Чаю не желаете?

- Да, спасибо.

Он даже не пошевелился, чтобы налить мне чая.

- Меня зовут Анатолий Сергеевич Семенов.

- Анатолий Сергеевич...

- Можете звать меня просто Анатолием. Нам с вами, Ольга, предстоит хорошенько узнать друг друга.

- Пожалуйста, называйте меня Ольга Всеволодовна.

- Хорошо.

- Я прошу вас, Анатолий Сергеевич, быть со мной откровенным.

- И я, Ольга Всеволодовна, прошу вас быть со мной откровенной, - он достал из кармана грязный носовой платок и высморкался. - Расскажите мне про роман, над которым он работает. Я о нем кое-что слышал.

- Например, что?

- Это вы мне расскажите, - ответил он, - о чем роман «Доктор Живаго»?

- Не знаю.

- Не знаете?

- Роман в работе. Он еще не написан.

- Давайте поступим так: я оставлю вас одну, дам вам бумагу и ручку. Может быть, вы вспомните, что знаете об этом романе, и аккуратно запишете. Как вам такое предложение?

Я молчала.

Он встал и положил передо мной стопку листов бумаги. Достал из кармана ручку с золотым пером.

– Вот, моей ручкой, пожалуйста.

После этого следователь вышел, оставив меня с бумагой, ручкой и тремя охранниками.

«Дорогой Анатолий Сергеевич Семенов,

Как мне правильно написать признание? В виде письма?

Да, я хочу кое в чем признаться, но это не то, что вы хотите от меня услышать. И даже делая это признание, я не знаю, с чего его начать. Поэтому начну с самого начала».

Я положила на стол ручку.

Впервые я увидела Бориса на чтении. Он стоял за деревянной трибуной. Его седые волосы и высокий лоб блестели в ярком свете направленного на сцену прожектора. Широко раскрыв глаза, он читал свои стихи. Выражение его лица было детским. От него исходили волны радости, которые доходили и до меня, сидевшей на галерке. Он стремительно жестикулировал, словно дирижировал невидимым оркестром. В некотором смысле он действительно им дирижировал. Иногда кто-то из публики не мог сдержаться и выкрикивал строки стихов еще до того, как их успел произнести автор. В какой-то момент он остановился и посмотрел вверх прямо в свет прожекторов, и я клянусь, что он увидел меня, сидевшую на балконе. Наши взгляды встретились. Когда он закончил чтение, люди повалили на сцену, а я осталась стоять, сцепив руки и забыв похлопать.

Я осталась стоять, когда мой ряд, затем балкон, а затем и весь зрительный зал опустели.

Я снова взяла ручку.

«Или лучше начать с того, как все это началось?»

Спустя почти неделю после того выступления Борис стоял на толстом красном ковре в приемной нового главреда «Нового мира» Константина Михайловича Симонова – писателя, имевшего огромный гардероб довоенных костюмов и два кольца-печатки с рубинами на пальцах, которые клацали друг о друга, когда он курил трубку. Писатели часто заходили в редакцию этого литературного журнала. Зачастую именно я показывала им здание редакции, предлагала чай и выводила их на обед в качестве жеста доброй воли со стороны издательства. Но Борис Леонидович Пастернак был самым известным из живых поэтов России, поэтому Константин лично водил его по редакции и знакомил с сотрудниками: составителями рекламных текстов, художниками, переводчиками и всеми остальными. Вблизи Борис оказался еще более привлекательным, чем когда я его видела на сцене. Ему было пятьдесят шесть лет, хотя выглядел он на сорок. Борис обменивался любезностями с людьми, пытливо рассматривая их, а его высокие скулы подчеркивали улыбку.

Они приближались к моему рабочему столу, и я схватила перевод, над которым работала с утра, и начала от балды что-то отмечать в поэтическом разделе. Спрятанные под столом ноги в чулках я быстро вставила в туфли на высоких каблуках.

– Хочу познакомить вас с одной из самых ваших горячих поклонниц, – представил меня Борис Константин, – Ольга Всеволодовна Ивинская.

Я протянула ему руку.

Борис поднес мою руку к губам и поцеловал запястье.

– Рад с вами познакомиться.

– Мне нравились ваши стихи, еще когда я была девочкой, – произнесла я, чувствуя себя крайне глупо.

Он улыбнулся, и я увидела щель между двумя его передними зубами.

– Я сейчас работаю над романом.

– А о чем он? – спросила я, проклиная себя за то, что расспрашиваю писателя о еще незаконченном проекте.

– О старой Москве. Той, которую вы слишком молоды, чтобы помнить.

– Это очень интересно, – произнес Константин. – Поговорим о нем в моем кабинете.

– Буду рад снова вас увидеть, Ольга Всеволодовна, – сказал Борис. – Приятно слышать, что у меня все еще есть поклонницы.

Вот так все и началось.

Я опоздала на наше первое свидание, а он, наоборот, пришел раньше времени.

Борис сказал, что он рад, что добрался до Пушкинской площади за час до свидания, и с удовольствием наблюдал за тем, как голуби один за другим устраивались на голове памятника поэту, словно живые крылатые шапки. Мы сели на скамейку, он взял мою руку и сказал, что с момента нашей встречи только обо мне и думал. Думал о том, как я буду подходить к нему, сяду рядом с ним на скамейку, и как он возьмет меня за руку.

С того дня каждое утро он ждал за дверью моей квартиры. До работы мы шли по бульварам, по паркам и площадям, переходили мосты с одной стороны Москвы-реки на другую. Мы шли без определенного маршрута. Яблони были в цвету, и весь город благоухал медом и чем-то гнилым.

Я рассказала ему все: о моем первом муже, которого я в один прекрасный день застала повесившимся в нашей квартире, и о втором, который умер у меня на руках. О мужчинах, с которыми я была до них, и о мужчинах, с которыми была после. Я говорила о своих радостях и о своих унижениях. Я рассказывала ему о

своих «тихий» радостях: о том, как мне нравится выходить первой из вагона, о том, что расставила на полке в ванной все свои флаконы духов и баночки кремов этикеткой наружу, и о том, как люблю по утрам есть кислый вишневый пирог. Первые несколько месяцев я только и делала, что говорила, а Борис слушал.

К концу лета я стала называть его Борей, а он меня – Олей. Люди вокруг начали говорить о нас. Больше всех говорила моя мама. «Это просто неприемлемо! – говорила она столько раз, что и не сосчитать. – Он же женатый человек, Ольга».

Но я знала, что Анатолию Сергеевичу будет неинтересно читать такие признания. Я знала, какие признания его интересовали. Я запомнила его слова: «Судьба Пастернака теперь зависит от того, насколько правдиво вы все это напишете». Я снова взяла ручку.

«Дорогой Анатолий Сергеевич Семенов,

Доктор Живаго – не антисоветчик.

Когда через час Семенов вернулся, я передала ему мое письмо. Он посмотрел его и перевернул.

– Завтра еще раз попробуйте, – сказал он, затем скомкал листок бумаги, выбросил его в мусорное ведро и махнул рукой охранникам, чтобы меня увели.

После этого каждую ночь меня забирал охранник, и у нас с Семеновым были эти самые «разговорчики». И каждую ночь следователь задавал мне одни и те же вопросы: «О чем этот роман? Зачем он его пишет? Зачем вы его выгораживаете?»

Я не сказала ему того, что он хотел услышать, того, что в этом романе критикуется революция. Борис отошел от канонов соцреализма и описывал героев, которые жили и любили так, как подсказывает им их собственное сердце. Они существовали вне сферы влияния Государства.

Я не рассказала ему о том, что Борис начал роман задолго о того, как мы встретились. О том, что он уже давно думал о Ларе, и в первых набросках романа героиня напоминала его жену, Зинаиду. Я не сказала ему о том, что постепенно Лара стала мной. Или это я превратилась в Лару.

Я не сказала ему о том, что Боря называл меня своей музой, что за первый год нашей совместной жизни он продвинулся в написании романа больше, чем за три предыдущих года, вместе взятых. О том, что вначале я привязалась к нему из-за его имени и славы, но позднее влюбилась по-настоящему. О том, что для меня он был не просто стоящим на сцене известным поэтом или фотографией в газете. О том, как мне нравились его недостатки и странности: щель между передними зубами, то, что он отказывался избавиться от старой расчески, которой было уже двадцать лет, то, что, задумавшись во время работы, он мог почесать лицо держащей перо рукой, оставив на щеке чернильное пятно. О том, как упорно он работал, не жалея себя.

Он действительно работал, не покладая рук. Днем он писал с умопомрачительной скоростью, бросая исписанные страницы в стоящую под столом плетеную корзину. А по вечерам читал мне написанное за день.

Иногда он читал на квартирниках в разных районах Москвы. Друзья садились в расставленные полукругом кресла вокруг небольшого стола, за которым сидел Боря. Я сидела рядом с ним, гордая тем, что исполняю роль хозяйки, его женщины, практически жены. Он читал эмоционально, слова вырывались изо рта, словно преследуя друг друга, а его взгляд был направлен чуть выше голов, сидевших напротив него.

Я присутствовала на чтениях, проходивших в московских квартирах, но не на его даче в Переделкино – поселке писателей, недалеко от столицы. Эта дача была территорией его жены. Покрашенный красноватой краской деревянный дом с огромными окнами был расположен на вершине пригорка. Вокруг дома росли сосны и березы, на отдельном участке на территории был высажен фруктовый сад и огород. Когда я в первый раз попала к нему на дачу, Боря долго объяснял, какие овощи хорошо растут, а какие, наоборот, чахнут и почему.

Эта дача и участок были гораздо больше и лучше, чем у большинства обычных граждан. Писательский поселок был построен при Сталине для того, чтобы в нем могли работать избранные творцы, прославляющие социалистическую Родину. Сталин называл писателей «инженерами человеческих душ» и придавал их работе большое значение.

Боря говорил, что, поселив писателей в одном месте, органам было проще за ними следить.

Соседом Пастернака был Константин Александрович Федин. Поблизости была дача Корнея Ивановича Чуковского – автора прекрасных детских книг. В том же поселке, под пригорком чуть ниже, находилась бывшая дача Исаака Эммануиловича Бабеля, арестованного и расстрелянного в 1940 г.

Я ни словом не обмолвилась Семенову о том, как Боря признался мне, что то, что он пишет, может оказаться его смертным приговором, и о том, как боялся того, что Сталин уничтожит его так, как уничтожил многих его друзей во время

Чисток.

Я писала о романе туманно и уклончиво, чем следователь был крайне недоволен. Он неизменно выдавал мне новые листы бумаги, просил подумать и написать что-то более конкретное.

Семенов прибегал к самым разным способам для того, чтобы добиться моего признания. Иногда он был добр ко мне, предлагал чай, интересовался моим мнением о поэзии и утверждал, что был большим поклонником раннего творчества Бори. Семенов приказал охранникам выдать мне дополнительное шерстяное одеяло и сделал так, что каждую неделю меня осматривал доктор.

Иногда Семенов пытался меня «развести» и говорил, что Боря, пытаюсь спасти мою жизнь, сдался органам. Однажды, когда в коридоре послышался какой-то громкий металлический звук, Семенов пошутил, что это Борис стучит в двери Лубянки, пытаюсь попасть внутрь.

Иногда следователь говорил, что Бориса видели на каком-нибудь литературном или социальном мероприятии в компании своей жены. Семенов утверждал, что Борис выглядел «необремененным». Вот такое он использовал словцо. Иногда следователь говорил, что Бориса видели в компании с красивой молодой дамой. «Кажется, она француженка», – добавлял он. Я заставляла себя улыбнуться и говорила, что рада слышать, что Борис счастлив и здоров.

Семенов ни разу меня не ударил, никогда не угрожал насилием. Но жестокость всегда была очевидной, а его мягкое поведение всегда тщательно продуманным. Я в жизни уже встречала людей, похожих на него, и знала, на что они были способны.

По ночам заключенные повязывали на глаза повязки из обрывков льняной ткани, чтобы их не беспокоил свет, который горел двадцать четыре часа в сутки. Конвоиры забирали людей на допрос и приводили обратно. Сон постоянно прерывался.

Однажды ночью, когда мне совсем не спалось, я лежала, пытаюсь дышать размеренно и ровно, старалась успокоиться для того, чтобы дать растущему внутри меня ребенку возможность спокойно развиваться. Я положила ладонь на живот, чтобы почувствовать его. В какой-то момент мне показалось, что я

ощутила внутри что-то маленькое, такое же маленькое, как лопнувший пузырь. Я пыталась как можно дольше удерживать в уме это ощущение.

Мой живот рос, и мне разрешили находиться в лежачем положении на час дольше, чем всем остальным.

Кроме этого, мне давали дополнительную порцию каши и вареной на пару капусты. Сокамерницы тоже отдавали мне часть своих порций.

Через некоторое время мне выдали балахон большего размера. Сокамерницы просили потрогать мой живот, чтобы почувствовать движения ребенка, которые напоминали всем о том, что существует и другая жизнь, не имеющая никакого отношения к камере № 7. «Наш маленький заключенный», – говорили они.

Та ночь началась, как и все остальные. Меня подняли с постели ударом дубинки и сопроводили в комнату для допросов. Я села напротив Семенова и получила стопку чистой бумаги.

В кабинет зашел мужчина с седыми волосами. Они были настолько седыми, что казались синими. Мужчина сказал, что встречу организовали, потом повернулся ко мне и добавил: «Ты просила о встрече, вот сейчас ее и получишь».

– О встрече? С кем? – поинтересовалась я.

– С Пастернаком, – ответил Семенов. В присутствии другого человека его голос стал более грубым. – Он тебя ждет.

Верилось во все это с трудом. Но меня погрузили в машину без окон, и я начала верить в то, что меня везут на встречу с Борисом. Точнее, в душе появилась надежда, что так оно и будет. Меня переполняла радость от того, что я увижу его даже при таких обстоятельствах. Это была радость, сравнимая с той, которую я испытала, когда почувствовала в животе движения ребенка.

Меня привезли в очередное большое здание, провели по длинным коридорам и вниз по нескольким лестничным пролетам. Когда я оказалась в полутемной подвальной комнате, то была потной и уставшей. Мне очень не хотелось, чтобы Боря видел меня в таком виде.

Я осмотрелась. Комната была пустой, в ней не было ни стульев, ни стола. Под потолком тускло горела лампочка без абажура. Пол был слегка наклонен в сторону расположенной в центре ржавой решетки слива.

- Где он? - спросила я, понимая, что мой вопрос звучит крайне глупо.

Вместо ответа конвоир открыл железную дверь, втокнул меня в находящееся за ней пространство и захлопнул ее за моей спиной. В нос ударил омерзительно-сладковатый трупный запах. В комнате стояли столы, на которых лежали длинные предметы, накрытые полотном. Мои колени подкосились, и я упала на мокрый и холодный пол.

Борис лежал на одном из этих столов? Меня привезли сюда, чтобы показать его труп?

Трудно сказать, когда в следующий раз открылась эта железная дверь. Может, прошло всего несколько минут, а может, и несколько часов. Я почувствовала, что сильные руки подняли меня с пола и потащили вверх по лестницам и бесконечно длинным коридорам.

Конвоир завел меня в грузовой лифт, закрыл за нами дверь и нажал на рычаг. Послышался громкий рокот заработавшего мотора, но лифт не сдвинулся с места. Конвоир снова нажал на рычаг, после чего открыл дверь и подтолкнул меня к выходу.

- Все время забываю, что лифт давно сломан, - произнес он.

Конвоир подвел меня к ближайшей, расположенной с левой стороны по коридору двери и открыл ее. В комнате я увидела Семенова.

- Мы уже давно ждем, - произнес он.

- Кто мы?

Семенов два раза постучал кулаком в стену. Дверь снова открылась, и в комнату шаркающей походкой вошел старик. Я не сразу узнала в нем Сергея Николаевича Никифорова – бывшего учителя английского языка Иры. Скорее это был не Сергей Никифорович, а его тень. Его обычно ухоженная борода была всклокоченной, штаны спадали с похудевшего тела, в ботинках не было шнурков. От него несло мочой.

- Сергей, – тихо произнесла я. Он не смотрел мне в глаза.

- Ну что, начнем? – произнес Семенов и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Сергей Николаевич Никифоров, вы подтверждаете данные вчера показания о том, что в вашем присутствии Пастернак и Ивинская вели антисоветские разговоры?

Я вскрикнула, но меня так сильно ударил стоявший у двери конвоир, что я ударилась о кафельную стену, но ничего не почувствовала.

- Да, – ответил Никифоров, опустив голову и по-прежнему не глядя на меня.

- И Ивинская говорила вам о том, что хочет бежать с Пастернаком за границу?

- Да, – отвечал тот.

- Это ложь! – воскликнула я, и конвоир сделал резкое движение в мою сторону.

- И дома у Ивинской вы слушали антисоветские радиопередачи?

- Нет... это не совсем так... Я...

- Значит, вы лгали на допросе?

- Нет, не лгал, – старик закрыл лицо трясущимися руками и издал жалобный стон.

Я сказала себе, что лучше на него не смотреть, но не смогла отвести взгляд.

После признания Никифорова увели, а меня вернули в камеру № 7. Я не могу точно сказать, когда началась боль, потому что в течение нескольких часов у меня было ощущение, словно все тело находится под местной анестезией. Потом сокамерницы заметили, что постель, на которой я лежала, пропитана кровью, и вызвали охрану.

Меня отвезли в тюремную больницу, где врач подтвердил мне то, что я уже сама знала. Тогда я думала только о том, что от моей одежды все еще пахнет моргом.

– Заявления свидетелей подтверждают, что вы систематически клеветали на советский строй. Слушали передачи «Голоса Америки». Клеветали на советских писателей-патриотов и превозносили творчество Пастернака, придерживающегося антисоветских взглядов.

Я слушала приговор, который зачитывал судья, а также услышала срок заключения, на который меня осудили. Но до тех пор, пока меня не вернули в камеру, я не очень хорошо осознавала меру наказания, которую получила. В камере кто-то спросил меня о сроке тюремного заключения, а я ответила: «Пять лет» – и только тогда поняла, что мне придется провести пять лет в поселке городского типа Потьма, расположенном на расстоянии пятисот километров от Москвы. Через пять лет мои сын и дочь станут уже подростками. Моей матери будет почти семьдесят. Борис обо мне забудет и, быть может, найдет новую музу, новую Лару. Может быть, даже уже нашел.

На следующий день после вынесения приговора мне выдали побитое молюю зимнее пальто, вместе с другими женщинами погрузили в грузовик с брезентовым тентом и повезли по московским улицам.

В какой-то момент за грузовиком переходил дорогу школьный класс. Дети шли парами, и я услышала, как учительница приказала всем смотреть вперед и не оглядываться. Но один мальчик повернул голову, и наши взгляды встретились. На мгновение мне показалось, что я смотрю в глаза моему сыну Мите или своему

ребенку, которого потеряла.

Потом грузовик остановился, и конвоиры приказали пересесть в вагон, который доставит нас в ГУЛАГ. Я вспомнила эпизод из романа «Доктор Живаго», в котором Юрий садится со своей семьей на поезд, чтобы уехать на Урал.

Конвоиры затолкали нас в вагон без окон с жесткими сиденьями. Поезд тронулся, и я закрыла глаза.

Москва как бы расходится кругами от центра: бульварное и Садовое кольцо, МКАД[1 - В романе Ольга Ивинская едет в лагерь мимо МКАД (в 1949), однако МКАД начали строить только в 1956 г. - Прим. ред.]. Словно круги от брошенного в воду камня. В центре города - памятники и здания государственных организаций, ближе к окраинам - спальные районы. Каждый следующий круг шире предыдущего. А за городом стоят деревья и раскинулись покрытые снегом бесконечные поля.

Запад. Осень 1956

Глава 2. Соискательница на вакансию

Был жаркий и влажный день, а воздух над Потомаком казался плотным и тяжелым. Стоял сентябрь, но было так душно, что казалось, будто дышишь сквозь мокрую тряпку. Как только я вышла из подвальной квартиры, в которой жила со своей матерью, то тут же пожалела, что надела серую юбку. С каждым шагом я все отчетливей чувствовала, что совершила большую ошибку, надев эту самую шерстяную юбку. К тому времени, когда я села в автобус номер 8, то увидела, как пятна пота расползаются по белой блузке. Самым страшным было то, что, как мне казалось, пот пропитал юбку, отчего четко должна быть видна форма моих ягодиц. Владелец квартиры, в которой мы жили, грозился поднять квартплату, поэтому эта работа была нужна мне, как никогда. Черт меня дернул выбрать шерстяную юбку, почему же я не надела льняную?

Я пересела на другой автобус. Тело чесалось от пота. Я вышла в районе Фогги Боттом[2 - В Вашингтоне существует район Foggy Bottom. Это выражение так же можно перевести как «Мокрая / туманная задница». – Здесь и далее прим. пер.]. Идя по Е-стрит, я попыталась рассмотреть свою попу в отражении витрины аптеки Peoples Drug, но ничего не вышло из-за яркого света солнца, а также из-за того, что я не взяла с собой очки.

Впервые я попала на прием к окулисту в возрасте двадцати лет. К тому времени я уже привыкла к тому, что контуры всего, что я вижу, немного размыты. Когда я, наконец, увидела мир таким, какой он есть, картинка показалась мне слишком яркой и навязчивой. Я видела каждый листочек на дереве и поры на своем носу. Четко видела каждый белый приставший к одежде волосок шерсти кошки, принадлежавшей соседям сверху. От невообразимой четкости мира, который я наблюдала, у меня начинала болеть голова. Мне больше нравилось, когда мир был размытым. Так он казался мне более таинственным и привлекательным, поэтому я редко носила очки. А может быть, не носила очки из упрямства: мне казалось, что я знаю, как выглядит мир, и меня не устраивало то, что он может выглядеть как-то иначе.

Я прошла мимо сидящего на скамейке мужчины и почувствовала, что он проводил меня взглядом. На что он смотрел? На то, как я шла, опустив плечи и уперев взгляд в землю? Я пыталась изменить свою осанку и часами расхаживала по спальне, положив на голову несколько книг, но эти упражнения мою осанку особо не исправили. Поэтому когда я чувствовала на себе взгляд мужчины, то предполагала, что он обращает внимание на мою плохую осанку. То, что я могла понравиться этому мужчине, мне даже в голову не приходило. Я всегда считала, что на меня обращают внимание из-за походки или одежды, которую мне шила мама, или просто потому, что я, задумавшись о своем, на кого-то слишком долго смотрела. Я никогда не считала себя красивой. Никогда.

Я ускорила шаг, зашла в кафе и пошла в туалет.

Слава богу, что на попе не было никаких подтеков пота. Что, впрочем, не значило, что все остальное было идеально: челка прилипла ко лбу, тушь для ресниц, которой, по словам мамы, могла пользоваться только невеста, одевшаяся на свадьбу из каталога посылочной торговли, поплыла, а пудра, которую я нанесла, как выразилась продавщица из Woolworth, на «проблемные участки кожи», затвердела, как панцирь. Я умылась водой из-под крана и уже собиралась вытереть лицо салфеткой, как в дверь постучали.

– Секунду.

Стук в дверь продолжался.

– Занято!

Стоявший по ту сторону двери человек начал крутить ручку.

Я открыла дверь и высунула наружу мокрое лицо.

– Минуту, – сказала я стоявшему около двери мужчине с газетой под мышкой и снова захлопнула дверь. Приподняв юбку, засунула сложенную бумажную салфетку между поясом и резинкой трусов. Потом посмотрела на часы. До начала собеседования оставалось двадцать пять минут.

Об этой вакансии мне рассказал мой бывший бойфренд Сидни (правда, его с большой натяжкой можно было бы назвать моим бойфрендом), когда мы ели пиццу и пили пиво в *Вауоу*. Он был одним из тех вашингтонских персонажей, которые ужасно гордятся тем, что имеют какую-то инсайдерскую информацию. Он знал, что после окончания колледжа двумя годами ранее я хотела устроиться на работу в какую-нибудь правительственную организацию. Вакансий начального уровня было не много, их не афишировали, и узнать о них можно было только от сотрудников, работавших в организации. Сидни работал в госдепе и о том, что требуется машинистка, узнал от друга, которому об этом рассказал его другой друг. Я понимала, что шансов получить эту работу у меня было не очень много. Хотя в принципе я умела печатать и стенографировать достаточно быстро, мой опыт работы был минимальным: до этого я отвечала на телефонные звонки в офисе адвоката, который был в полушаге от пенсии и носил плохо сидящие на нем костюмы. Но Сидни сказал, что это не страшно и он замолвил за меня словцо какому-то сотруднику Агентства. У меня были серьезные подозрения по поводу того, что он никого в Агентстве не знает, но я все равно поблагодарила его. Когда Сидни наклонился, чтобы я его поцеловала, я протянула руку и снова горячо его поблагодарила.

Я вышла из туалета и с облегчением отметила, что мужчина с газетой исчез. Подошла к стойке и заказала большую *Coca-Cola*. Стоявший за стойкой невысокий грек подмигнул мне.

– День не задался? – участливо спросил он.

Я кивнула, залпом выпила колу и подвинула в его сторону по стойке монету в пять центов. Он пальцем отодвинул монету в мою сторону.

– Угощаю, – произнес он и снова подмигнул.

К черным железным воротам, ведущим в комплекс больших серых зданий и зданий из красного кирпича на Нейви-Хилл, я подошла за пятнадцать минут до начала собеседования. В идеале мне нужно было появиться тут за пять минут до назначенного времени, поэтому пришлось немного погулять перед тем, как войти. После прогулки я снова вспотела.

Открывая огромную тяжелую дверь, я надеялась, что за ней находится помещение, в котором работает кондиционер, но и тут в лицо ударила волна горячего воздуха.

Я отстояла в очереди на досмотр личных вещей, после чего предъявила документы, и мое имя нашли в списке посетителей. Когда формальности закончились, и я уже была готова двигаться дальше, мимо меня протиснулся мужчина со светлыми волосами и в круглых очках в металлической оправе, отчего я уронила свою сумочку, из которой вылетело мое скромное одностраничное резюме. Толкнувший меня человек уже прошел охранников, но, повернувшись и увидев меня, быстро вернулся, поднял мое уже слегка испачканное резюме с отмеченным на нем минимумом моих достижений и передал его мне словами: «Пожалуйста, мисс». Я ничего не успела ему ответить, потому что после этого он быстро исчез.

В лифте я облизала подушечку пальца и попыталась избавиться от появившегося на резюме пятна, но добилась того, что еще сильнее его размазала, и очень пожалела о том, что принесла всего одну копию.

Это резюме я написала при помощи взятой в библиотеке книги под названием «Как честно и гарантированно получить работу». Я написала резюме согласно рекомендациям, которые нашла в этой книге, и даже разорилась на более толстую матовую бумагу. Пятно на резюме в этой книге заклеили бы, как «любительский подход к поиску работы».

Вдобавок ко всему, когда я наклонялась за своим резюме, бумажная салфетка, которую я вставила под пояс юбки, сместилась и упиралась мне в копчик. Я попыталась убедить себя не думать об этом, но добилась только обратного.

– Вам какой? – спросила меня женщина, подняв палец к панели с кнопками лифта.

– Аааа, третий. Нет, четвертый, – ответила я.

– Собеседование?

Я показала ей испачканное резюме.

– Машинистка?

– Откуда вы знаете?

– Я быстро делаю выводы из того, что вижу.

Женщина протянула мне свою руку. У нее были широко посаженные глаза и полные губы, накрашенные блестящей красной помадой.

– Лонни Рейнолдс, – представилась она. – Работаю в Агентстве с тех пор, когда оно еще не было Агентством.

Она казалась одновременно гордой и уставшей от этого факта. Пожимая ее руку, я обратила внимание на ободок белой кожи – след от обручального кольца на ее пальце. Она заметила, что я это увидела, и посмотрела мне в глаза чуть дольше, чем это делают люди, случайно встретившиеся в лифте.

Прозвенел звонок, и лифт остановился на четвертом этаже.

– Что посоветуете? – спросила я ее, выходя из лифта.

– Печатай быстро. Вопросов не задавай. И не позволяй себе мозг засирать. В лифт зашли двое мужчин, и, уже повернувшись к ней спиной, я услышала: – А толкнул тебя Даллес.

Я не успела спросить, кто такой Даллес, как двери лифта закрылись.

На четвертом этаже секретарша приветствовала меня жестом, приглашающим присесть на один из стоявших в ряд у стены пластиковых стульев.

Там уже сидели две женщины. Я присела и почувствовала, что вставленная под пояс юбки бумажная салфетка сдвинулась, и мысленно ругала себя за то, что не поднялась сюда раньше.

Справа от меня сидела женщина в годах. На ней был толстый зеленый пиджак, который был в моде лет двадцать тому назад, и длинная коричневая юбка из вельветовой ткани. Я подумала, что женщина больше похожа на школьную училку, чем на машинистку и стенографистку (или, по крайней мере, как я представляла себе представительниц этих профессий), и я ругала себя за склонность к поверхностным и критичным суждениям, основанным на внешнем виде человека. На коленях женщины лежало ее резюме, зажатое за край между указательным и большим пальцами. Волновалась ли эта женщина так же сильно, как и я? Решила ли она выйти на работу после того, как ее дети выросли и разъехались из родительского дома? Ходила ли она на разные вечерние бизнес-курсы, чтобы научиться чему-то новому? Женщина бросила на меня взгляд и прошептала: «Удачи». Я улыбнулась ей и приказала себе перестать думать о всяких глупостях.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на настенные часы, и использовала эту возможность для того, чтобы рассмотреть субтильную брюнетку, сидевшую с левой стороны от меня. Наверное, девушке было около двадцати лет, хотя выглядела она не больше чем на шестнадцать. Я подумала о том, что она окончила школу секретарш. На ее голове была прическа, на создание которой уходит масса времени и заколок. Одета была девушка по последней моде – платье с длинными рукавами и шпильки, словно клыки гончей. На ней было

платье, которое я могла бы увидеть на витрине магазина и очень захотела бы купить, но вместо этого пошла бы домой и нарисовала его эскиз на бумаге, чтобы мама могла сшить мне его копию. Моя чертова шерстяная юбка серого цвета была копией юбки, которую я видела на манекене, выставленном в витрине Garfinckel's год назад.

Я слишком часто жаловалась на то, что моя одежда не была куплена в магазине, или на то, что она была уже не модной, но с тех пор, как адвокат вышел на пенсию и я потеряла работу, все наши счета оплачивала мама, которая работала швеей. Она работала в гостиной на зеленом столе для пинг-понга, который мы нашли выброшенным на улице. Мама сняла сломанную сетку и поставила на стол свою гордость – швейную машинку Vesta с ножным приводом. Эту швейную машинку подарил ей мой отец, и это была одна из немногих вещей, которые она привезла с собой из Москвы. В Москве мама работала на швейной фабрике «Большевичка», но всегда подрабатывала на стороне пошивами на заказ, в особенности пошивом свадебных платьев. Моя мама была похожа на бульдога – внешне и чертами характера. Она приехала в Америку во время последней волны русских иммигрантов, покинувших свою Родину. Границы страны закрывались, и если бы мои родители пробыли в СССР еще пару месяцев, то я бы выросла за железным занавесом, а не в «стране свободных людей» США.

Когда мои родители собирались в эмиграцию и паковали вещи в своей комнатке в коммунальной квартире, в которой проживало еще три семьи, моя мама была уже на третьем месяце беременности и надеялась на то, что я появлюсь на свет уже в США. Именно беременность подтолкнула моих родителей к эмиграции. Живот моей матери рос, а отец собрал все необходимые документы и договорился о том, что мы будем проживать у далеких родственников в Пикесвилле, штат Мэриленд. Название этого места казалось матери таким экзотическим, что она шептала про себя, словно молитву: «Мэриленд, Мэриленд».

В то время мой отец работал на оружейном заводе, но до этого учился в институте красной профессуры, где изучал философию и откуда с третьего курса его исключили за «высказывание идей, не входящих в программу обучения». Родители надеялись, что отец найдет работу в одном из многочисленных вузов в Балтиморе или Вашингтоне, годик-другой они поживут у родственников, после чего купят дом, машину и родят второго ребенка. Мои родители мечтали о том ребенке, который родится у них в Америке, и представляли всю его жизнь: рождение в чистой американской больнице,

первые слова на английском и русском языках, как он научится водить большую американскую машину на большом американском хайвее и, возможно, будет играть в бейсбол. В своих мечтах мои родители сидели на трибунах, ели арахис и «болели» за свое чадо. Они надеялись на то, что у мамы будет своя рабочая комната, в которой она сможет шить платья и со временем откроет свой бизнес.

Они попрощались с родственниками, друзьями, а также с местами, которые знали и любили. Они знали, что больше никогда не смогут вернуться назад, потому что в погоне за американской мечтой потеряют советское гражданство.

Я появилась на свет в родильном отделении больницы Джона Хопкинса. Моими первыми словами были русское «Да» и английское «No». Я окончила хорошую государственную школу, занималась спортом и даже научилась водить принадлежавший одному из родственников автомобиль Crosley. Но моего отца не было рядом, и он не видел моих успехов. И лишь спустя много лет мама объяснила, почему я никогда его не видела, а когда наконец сказала, то выпалила это, словно признание, которым хотела как можно быстрее облегчить свою душу. Как объяснила мне мать, они стояли в очереди на посадку на пароход, на котором должны были переплыть через Атлантику, когда к отцу подошли двое в форме и потребовали предъявить документы. Они уже неоднократно показывали свои документы большому количеству людей в форме, поэтому мама не почувствовала никакой опасности. Эти двое даже не стали смотреть на документы отца, а взяли его под руки и заявили, что их начальство хочет поговорить с ним наедине. Мама схватила папину руку, но мужчины его увели. Мать закричала, но отец спокойно сказал ей, чтобы она садилась на пароход, а он скоро подойдет. Когда она начала протестовать, отец спокойно ответил: «Садись на пароход».

Когда пароход давал последние свистки перед отправлением, мама не побежала к борту судна смотреть, поднимается ли по трапу отец. Она знала, что уже больше никогда его не увидит. Она упала на койку в каюте третьего класса. Койка рядом с ней так и останется пустой до конца путешествия. Единственное, что радовало ее тогда, так это мои движения в ее животе.

Спустя много лет мы получили телеграмму от маминой сестры с сообщением о том, что мой отец умер в лагере.

После получения этой телеграммы мама неделю пролежала в кровати. Мне в то время было восемь, но я уже готовила, убиралась, ходила в школу, делала домашнее задание и дошивала мелкие мамины заказы: чинила рукава, подшивала штаны и относила вещи их владельцам.

Первым маминым местом работы в Америке стала химчистка и мастерская по ремонту одежды Lou's Cleaners & Alterations, где она гладила мужские рубашки. Каждый вечер она возвращалась домой с «убитыми» руками, кожа которых трескалась от жестких химикатов. Лишь иногда у нее появлялось свободное время и возможность вынуть иголку с ниткой и починить пару штанов или пришить пуговицу. Спустя неделю после получения известия о смерти мужа мама встала с кровати, накрасилась, уволилась с работы в Lou's и начала шить. Стежок за стежком, перо за пером, бусинка к бусинке – все свое горе она вкладывала в пошив одежды. В течение двух месяцев она почти не выходила из дома, но потом заполнила два чемодана такими красивыми платьями, которых никогда еще не шила. Мама убедила священника русской православной церкви разрешить ей поставить стол во время ежегодной ярмарки. За несколько часов мама распродала все свои платья. Она продала даже свадебное «витринное» платье, которое одна дама купила на будущее для своей одиннадцатилетней дочери. После ярмарки у матери оказалось достаточно денег для того, чтобы съехать из переполненного людьми дома родственников в Мэриленде и заплатить месячную квартплату за квартиру в Вашингтоне, а также для того, чтобы начать свой швейный бизнес. Она решила, что сама добьется своей американской мечты.

В подвале нашей квартиры она открыла швейную фирму USA Dresses and More for You, и слухи о ее мастерстве стали стремительно распространяться. Русские иммигранты первого и второго поколения заказывали у нее предметы одежды с искусной вышивкой для свадеб, похорон и торжеств. Мама говорила, что может пришить больше блесток и бусинок бисера на квадратный сантиметр ткани, чем любая другая швея на американском континенте. Довольно скоро она стала известна как вторая лучшая русская швея в округе. Самой известной швеей считалась Бианка, с которой мама и конкурировала. «Она халтурит, – говорила мама о Бианке всем, кто был готов ее слушать. – Она шьет неряшливо. Подшивает подол так, что шов расходится, как только подует ветер. Она слишком долго прожила в Америке».

Мама содержала меня и даже доплатила за мое образование, когда я получила стипендию в университет Тринити, которая лишь частично покрывала расходы

на обучение. Но когда хозяин квартиры начал говорить о том, что собирается поднять квартплату, я поняла, что должна найти работу. И вот я сидела в приемной и рассматривала двух своих соперниц, думая о том, что привело меня сюда и как мне нужна эта работа.

Я уже собиралась спросить секретаршу о том, где находится туалет, чтобы поправить вставленную под пояс юбки салфетку, как из двери кабинета вышел мужчина и хлопнул руками, словно пытался убить комара.

Я узнала его – это был тот самый человек с газетой под мышкой, который ломился в дверь туалета в дайнере, и похолодела от ужаса.

– И это все? – спросил мужчина.

Соискательницы переглянулись, не понимая, к кому он обращается.

Секретарша подняла взгляд на мужчину.

– Да, это все, – ответила она.

Мне захотелось спрятаться за стоявшей в углу вешалкой.

Мы проследовали за мужчиной по коридору и вошли в комнату, в которой стояло несколько рядов столов. На каждом столе была печатная машинка и стопка бумаги. Я села на второй ряд, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Казалось, что никто из соискательниц не горел желанием привлекать к себе внимание, поэтому мои соперницы сели так, что я, сидевшая на втором ряду, все равно оказалась ближе всех к этому мужчине.

Судя по его носу, можно было предположить, что раньше он играл в хоккей или занимался боксом. Мужчина окинул меня взглядом с головы до ног, но, слава богу, не подал признаков того, что узнал меня. Он снял пиджак и закатал рукава светло-синей рубашки.

– Меня зовут Уолтер Андерсон, – сообщил он и повторил свою фамилию, – Андерсон.

Я уже начала думать, что он повернется и напишет мелом свою фамилию на черной доске, но вместо этого мужчина открыл свой портфель и достал из него секундомер.

– Если вы успешно пройдете этот тест, я узнаю ваши фамилии. Если вы не умеете быстро печатать, то рекомендую вам прямо сейчас покинуть помещение.

Он внимательно посмотрел в глаза каждой из соискательниц. Я, как советовала мне мама, смотрела прямо на него. «Тебя не будут уважать, если ты не смотришь людям в глаза, Ирина, – говорила мама, – в особенности мужчины».

Две соискательницы поерзали на стульях, но с места никто не встал.

– Отлично, – продолжал Андерсон, – тогда начнем.

– Простите, – произнесла женщина в пиджаке и подняла руку, словно в ученица в школе. Я поняла, что она ведет себя неправильно, и мне стало за нее стыдно.

– Я не ваш учитель, – сказал Андерсон.

– Да, вы правы, – ответила женщина и опустила руку.

Андерсон посмотрел на потолок и сделал глубокий и громкий выдох.

– Вы хотели что-то спросить?

– Что мы будем печатать?

Он сел за большой стол и достал из портфеля книгу в желтой обложке. Это был роман «Мосты в Токо-Ри».

– Кто любит художественную литературу? – спросил он.

Все мы подняли руки.

– Отлично. Есть поклонники творчества Миченера Джеймса?

– Я видела фильм, – ответила я, – Грейс Келли отлично сыграла.

– Видите, как здорово, – сказал Андерсон и открыл книгу. – Начнем? – произнес он и взял в руку хронометр.

После теста, стоя в набитом людьми лифте, я пощупала рукой потную спину. Салфетка, которую я засунула под пояс, исчезла. Вывалилась ли она в лифте или, что гораздо хуже, когда я встала после прохождения теста? Может быть, в этот самый момент Уолтер Андерсон смотрел на эту мокрую салфетку? Я подумала о том, стоит ли вернуться, чтобы найти салфетку, но потом передумала. Мне вряд ли предложат эту работу, поэтому потерянная салфетка уже не имела никакого значения.

По результатам теста я была второй. Уолтер Андерсон записал, а потом и вслух зачитал наши результаты.

– Видимо, мимо, – заметила молодая брюнетка по имени Беки. Она прошла тест хуже всех.

– Это не единственная в мире вакансия, – заметила женщина в пиджаке. Я почувствовала, что она пытается скрыть радость: она печатала и стенографировала гораздо быстрее нас с Беки.

– Этот парень показался мне полным козлом, – продолжала Беки. – Вы заметили, как он на нас смотрел? Как на стейк на обеденном столе, – Беки посмотрела на меня. – В особенности на тебя.

– Это точно, – ответила я. Я заметила, что Андерсон на меня засматривался, но считала, что он интересовался мной с профессиональной точки зрения. В этом плане у меня всегда была большая проблема с мужчинами. Если они находили меня привлекательной, я всегда узнавала об этом последней. Чтобы поверить, что я нравлюсь мужчине, он должен был сказать мне об этом прямым текстом,

но даже в этом случае я верила ему лишь наполовину. Я не считала себя привлекательной. Мне казалось, что я – человек, которого не замечают на улице или когда сидят с ним рядом в общественном транспорте. Моя мать всегда говорила, что я принадлежу к тому типу женщин, которых нужно хорошенько рассмотреть, чтобы оценить по достоинству. Если честно, меня это полностью устраивало. Я не стремилась выделиться. Жить незаметно было гораздо проще. Мужчины не свистели мне вслед, не позволяли себе комментарии, заставляющие женщин прикрывать грудь сумочкой, и на улице меня не провожали десятки глаз.

Однако я испытала легкое разочарование, когда в шестнадцать лет поняла, что не стану такой красавицей, какой была моя мать в юности. У мамы были чудесные округлые формы, а я была довольно угловатой. Когда я была маленькой, мама носила бесформенное домашнее платье днем, когда работала, но по вечерам могла примерить платье, которое шила для богатых клиенток. Она кружилась, заставляя пышные юбки развеяться на нашей кухне, и я ей говорила, что на ней платье смотрится замечательно.

Я видела фотографию мамы в моем возрасте. На фото она была в зеленой фабричной форме с косынкой на голове. Я не была на нее похожа, я была больше похожа на отца. На самом дне нижнего выдвижного ящика комода мама хранила фотографию отца в военной форме. Также фото отца хранились в чемодане. Иногда, когда мамы не было дома, я вынимала чемодан и внимательно смотрела на его фотографии, повторяя про себя, что если забуду, как он выглядит, то в моей душе будет пустота, которая никогда больше ничем не заполнится.

Я рассталась с двумя соискательницами у входа в Агентство. Женщина в пиджаке, которая прошла тест лучше нас, махнула рукой и сказала на прощание: «Удачи!»

– Удача мне точно пригодится, – заметила Беки и закурила.

Конечно, удача – штука совершенно не лишняя, но лично я в нее не верила.

Спустя две недели я сидела за кухонным столом, пила чай и обводила в газете заинтересовавшие меня объявления о работе.

За столом для игры в настольный теннис мама шила платье дочери хозяина квартиры для церемонии Кинсеаньера, которая празднуется в день пятнадцатилетия девочки и символизирует переход от подросткового возраста к взрослой жизни. Мама надеялась, что после такого подарка хозяин смилостивится и не станет поднимать квартплату. Вот уже второй раз за день она пересказывала мне вычитанную в газете Post историю о женщине, которая родила девочку на Ки-Бридж.

- Они не успевали в роддом, поэтому остановили машину, и она родила прямо в машине! Ты представляешь? - говорила она мне из соседней комнаты. Когда я не ответила, мама еще раз, гораздо громче, чем до этого, пересказала эту историю.

- Ты мне это уже рассказывала!

- Нет, ну ты можешь себе это представить?

- Нет, не могу.

- Что?

- Я сказала, что не могу!

Я почувствовала, что мне надо выйти из дома - куда угодно, просто для того, чтобы пройтись. Мама посылала меня по разным делам, но кроме этого мне нечем было заняться. Я откликнулась на десяток вакансий, но пока у меня было назначено всего одно интервью на следующей неделе. Я уже надевала пальто, когда зазвонил телефон. Я вошла в гостиную и увидела, что мама снимает трубку.

- Что вы говорите? - произнесла мама в трубку очень громким голосом, которым обычно говорила по телефону.

- Кто это? - спросила я.

- Айрин? Здесь таких нет. Почему вы сюда звоните?

Я выхватила у нее трубку.

- Да?

Мама пожала плечами и вернулась к столу для игры в настольный теннис.

- Это мисс Ирина Дроз-до-ва? – произнес женский голос.

- Да, это я. Простите, у меня мама...

- С вами будет говорить Уолтер Андерсон.

На том конце провода заиграла классическая музыка. Мышцы живота напряглись. Через некоторое время музыка прекратилась, и я услышала голос мистера Андерсона.

- Мы хотим, чтобы вы еще раз зашли к нам.

- Но я же вроде была второй по результатам теста? – спросила я, но тут же пожалела о том, что сказала это. Зачем надо было напоминать об этих посредственных результатах.

- Совершенно верно.

- Мне казалось, что у вас всего одна открытая вакансия? – я и сама не понимала, зачем занимаюсь самосаботажем.

- Нам понравилось то, что мы увидели.

- Вы предлагаете мне работу?

- Не надо бежать впереди паровоза, Торопыжка, – ответил он. – Или мне надо придумать какое-нибудь другое имя, учитывая скорость, с которой вы печатаете? Сможете подойти к двум часам?

– Сегодня? – удивилась я. Сегодня я должна была поехать с мамой в магазин «Все для шитья» во Френдшип-Хайтс, чтобы помочь ей выбрать блески для платья Кинсеаньеры.

Мама не любила ходить в этот магазин одна, потому что считала, что владелица магазина плохо относится к русским.

– Она смотрит на меня так, как будто я собираюсь сбросить на магазин бомбу. И так каждый раз!

– Да, сегодня, – ответил он.

– В два?

– В два.

– В два? – в дверном проеме появилась мама. – Так мы же в два часа едем во Френдшип-Хайтс!

Я отмахнулась от нее рукой.

– Я приеду, – сказала я, но на том конце провода уже звучали короткие гудки. Андерсон повесил трубку. У меня оставался час для того, чтобы одеться и доехать до центра.

– Что происходит? – поинтересовалась мама.

– У меня сегодня второе собеседование.

– Ты уже прошла тест на скорость на печатной машинке. Что они еще от тебя хотят? Чтобы ты испекла им торт? Продемонстрировала гимнастические упражнения? Что им от тебя надо?

– Я не знаю.

Она критично посмотрела на домашнее платье в цветочек, в которое я была одета.

– Что бы они там от тебя ни хотели, но в таком виде ты там появиться не можешь.

На этот раз я оделась в одежду из льняной ткани.

Я приехала раньше назначенного времени, но меня тут же провели в кабинет Уолтера Андерсона. Его первый вопрос показался мне неожиданным. Он не стал спрашивать меня, как я представляла свое будущее через пять лет, каким, по моему мнению, был мой самый большой недостаток и почему я хотела получить именно эту работу. Он даже не спросил меня, симпатизирую ли я коммунистам и насколько предана идеалам страны, в которой родилась.

– Расскажите мне про вашего отца, – попросил он, как только я села. Открыл толстую папку, на которой были написаны мои имя и фамилия, и прочитал: – О Михаиле Абрамовиче Дроздове.

У меня сдавило в груди. Я уже много лет не слышала имени моего отца.

Несмотря на льняную ткань, я почувствовала, что мой затылок становится мокрым от пота.

– Я никогда не видела моего отца.

– Секунду, – сказал Андерсон и вынул из ящика стола магнитофон. – Все время о нем забываю. Вы не возражаете? – не дожидаясь моего ответа, он нажал кнопку. – Здесь написано, что он был приговорен к десяти годам лагерей за то, что незаконным способом приобрел разрешение на выезд.

Так вот почему отца взяли у пристани. Но почему тогда они разрешили выехать матери? Я задала Андерсону этот вопрос сразу, как только о нем подумала.

– Наказание, – ответил он.

Я уставилась на пятна от кружек кофе, пересекающиеся, как олимпийские кольца на поверхности его стола. Теплая волна пробежала по рукам и ногам, и я почувствовала, что неуверенно сижу на стуле, словно могу с него упасть.

- Мне было восемь лет, когда мы об этом узнали, - произнесла я. - Восемь лет мы жили в полной неизвестности. Когда я была маленькой, то представляла себе, как встречу с отцом. Я пыталась представить себе, как произойдет эта встреча, как он будет выглядеть, как поднимет меня на руки, и как от него будет пахнуть - табаком или лосьоном для бритья.

Я посмотрела на Андерсона в надежде увидеть сочувствующее выражение на его лице, но увидела лишь раздражение, словно он не видел смысла объяснять мне, что от «красных» можно ждать всего, что угодно.

- Простите, а какое отношение это имеет к должности машинистки?

- Это имеет прямое отношение к организации, в которой вы, возможно, будете работать. Но если вам некомфортно и вы хотите, чтобы мы закончили этот разговор, то мы можем это сделать прямо сейчас.

- Нет, нет... - мне хотелось закричать, что всему виной мое появление на свет, что если бы меня не зачали, то, возможно, мои родители не стали бы так рисковать. Я сдержалась и взяла себя в руки.

- Вы знаете, как он умер? - спросил Андерсон.

- Нам сообщили, что он умер от сердечного приступа на оловянных шахтах в Берлаге.

- И вы в это верите?

- Нет, не верю, - в глубине души я действительно в это не верила, но никому, даже маме, в этом не признавалась.

- Он не дожил до лагеря, - Андерсон сделал паузу и продолжил. - Он умер во время допроса в Москве.

Мне было интересно, что из этого знает мама, а что нет. Верила ли она тому, что было написано о смерти папы в телеграмме от ее сестры? Или она все же догадывалась, что все не совсем так, как было написано в том сообщении? Может быть, мама просто притворялась и делала вид, чтобы я лишний раз не волновалась?

- И какие чувства вы испытываете по этому поводу? - спросил Андерсон.

- Растерянность.

- И какие еще?

- Злость.

- Злость?

- Да.

- Так вот, - Андерсон закрыл папку с моей фамилией на обложке, - мы видим в вас определенный потенциал.

- В смысле?

- Мы умеем находить скрытые таланты.

Глава 3. Машинистки

В Вашингтоне настала осень. Было темно, когда мы просыпались, и опять темно, когда уходили с работы. Температура упала градусов на двадцать, и по пути на работу и с работы мы шли, наклонив голову, чтобы увернуться от порывов ветра, которые были наиболее ощутимы на открытых пространствах между зданиями, а также аккуратно ступали на тротуар, чтобы не поскользнуться на своих высоких каблуках на мокрой листве и мокром асфальте. В одно такое утро, когда от одной мысли, что придется вылезти из теплой кровати, стоять в переполненном

трамвае под мышкой какого-то мужчины, чтобы потом провести день в свете ярких флуоресцентных ламп в офисе со сквозняками, хотелось позвонить на работу и сказать, что заболела. Так вот, в одно такое утро мы встретились в кафе Ralph's, чтобы перед работой выпить кофе и съесть по донату. Нам были необходимы эти двадцать минут, доза сахара и хороший кофе. Кофе в Агентстве был горячим и коричневым, но по вкусу больше напоминал пенопластовый стаканчик, из которого его пили, чем настоящий кофе.

Владельцем заведения Ralph's был старый грек по имени Маркос. По его собственным словам, он приехал в Штаты для того, чтобы откормить таких симпатичных американских девушек, как мы, ради которых он поднимался в четыре часа утра и начинал месить тесто для выпечки. Он называл нас красавицами и принцессами, хотя с трудом мог разглядеть нас сквозь свои катаракты. Маркос был неисправимым и бесстыдным бабником и делал нам комплименты в присутствии своей жены Афины, седовласой женщины, которая сидела за прилавком. Бюст этой Афины был таким огромным, что ей приходилось отступать на шаг, чтобы открыть кассу. Впрочем, она не была против того, что ее муж осыпает комплиментами посторонних женщин. Афина закатывала глаза и смеялась над стариком. Мы тоже смеялись и притрагивались к руке Маркоса в надежде на то, что он еще гуще посыплет сахарной пудрой наши донаты на вынос и, передавая пакет, подмигнет нам затянутым туманом катаракты глазом.

Кто из нас приходил в Ralph's первой, обязательно занимал столик в дальнем углу. Нам важно было видеть, кто входит в дверь. Это заведение не было ближайшим к штаб-квартире, но периодически в него мог зайти сотрудник Агентства, и мы не хотели, чтобы кто-нибудь из них подслушал наши утренние разговоры.

Обычно первой в Ralph's приходила Гейл Картер, которая жила всего в трех кварталах от него, в студии над магазином шляп на Н-стрит. Гейл делила комнату с женщиной, которая уже три года стажировалась на Капитолийском холме и отец которой владел текстильным бизнесом в Нью-Гэмпшире и оплачивал все расходы дочери.

В то октябрьское утро понедельника разговор начался с обычного обмена мнениями.

- Сущий ад, - сказала Норма Келли, - прошлая неделя была сущим адом.

В возрасте восемнадцати лет Норма приехала в Нью-Йорк в надежде стать поэтессой.

У нее были ирландские корни и розово-блондинистые волосы. Прибыв на автовокзал Дикси на Сорок второй улице, она прямо с чемоданом в руке отправилась в Costello's, чтобы пообщаться с рекламщиками и фриланс-авторами из The New Yorker. Но очень быстро она поняла, что и тех и других больше интересовало то, что находится у нее в трусах, а не то, что ей хотелось бы изложить на бумаге. Однако в том же самом Costello's она познакомилась с несколькими сотрудниками Агентства. Они предложили ей рассмотреть вакансии в их организации только для того, чтобы пофлиртовать, но Норме позарез была нужна стабильная работа, и она действительно подала документы в Агентство. Норма заложила за ухо прядь волос и размешала ложкой в чашке три куска сахара.

– Нет, прошлая неделя была хуже, чем ад, – заметила она.

Джуди Хендрикс аккуратно разрежала свой донат без сахарной пудры на четыре одинаковых кусочка. Джуди постоянно сидела на какой-нибудь странной диете, которую вычитала в Woman's Own или Redbook.

– А что может быть хуже ада? – спросила она.

– Прошлая неделя была хуже, – ответила Норма и сделала глоток кофе.

– Ну, не знаю, – ответила Джуди. – Прошла неделя действительно была не самой лучшей. А эта вводная лекция о том, как пользоваться новыми магнитофонами? Мне кажется, что мы и без двухчасовой лекции в состоянии нажать кнопку Record. Если бы читавший лекцию еще хотя бы раз показал нам эту диаграмму, мои глаза вылезли бы из орбит.

Она вытерла с губы невидимую крошку, потому что до сих пор не съела ни кусочка доната.

Норма заткнула салфетку за воротник.

– Но как мы могли что-либо понять, если бы этот мужчина не объяснил все досконально? – спросила она, изображая из себя Скарлетт О’Хара[3 - Scarlett O’Hara – главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости, темперамента и умения выживать (англ.)].

– Все может быть еще хуже, – заметила Линда. – Мелочи тоже могут сильно испортить настроение. Надо «париться» только по поводу чего-то серьезного. Например, из-за того, что автомат с гигиеническими тампонами не пополняли со времен, когда Труман был президентом.

Линде было всего двадцать три года, но как только она вышла замуж, то начала изрекать такие вселенские мудрости, которые мы, одинокие девушки, видимо, были не в состоянии понять. Словно мы все еще были девственницами. Ее отношение немного раздражало, но мы воспринимали ее как нашу коллективную заступницу-мать, которая могла успокоить, когда так хотелось огрызнуться на кого-нибудь из мужчин или дать совет в непонятной и неоднозначной ситуации. Например, когда нужно дать понять мужчине, что ты к нему равнодушна, или когда он не перезванивал на следующий день после свидания или секса.

– Если Андерсон еще раз сделает мне замечание о том, что я слишком мрачным тоном отвечаю на телефон, то я даже не знаю, что сделаю, – заметила Гейл. Она имела в виду Уолтера Андерсона – человека с поведением, напоминающим маленького и несмышленного медвежонка. У этого Андерсона были перманентно неровно подстриженные бакенбарды и вид человека, который в колледже занимался спортом, но теперь пришел к выводу, что прогулка до автобусной остановки вполне заменяет любую зарядку и физические упражнения. Этот Андерсон отвечал за работу пула машинисток, а также за все административные дела в отделе СР. Он работал разведчиком в Управлении стратегических служб, но его перевели на офисную должность вскоре после того, как в 1947 году образовалось Агентство. Ему не нравилась офисная работа, и он часто ходил из угла в угол, изливая душу любому, кто был готов слушать его рассказы о том, чем именно он был недоволен. После таких душевных излияний Андерсон жалел о том, что сказал лишнего, и задаривал нас коробками донатов и букетами цветов, которые оставлял в комнате для отдыха персонала. Он просил, чтобы мы называли его Уолтером, поэтому мы обращались к нему по фамилии Андерсон.

Гейл намочила край салфетки в своем стакане с водой и промокнула пятно от розового желе на манжете блузки.

– Нас, женщин-сотрудников госаппарата, словно цепями приковали к печатным машинкам, в то время как нами руководят дети-переростки, наподобие Андерсона.

Гейл имела не просто жизненный опыт, а колоссальный жизненный опыт. Она получила диплом инженера в Беркли, после чего пыталась устроиться на работу в Национальный научный фонд и Министерство обороны, получив от ворот поворот с формулировкой «недостаточная ученая степень и образование», что являлось эвфемизмом того, что Гейл была черной. Она знала, что несколько ее сокурсников уже успешно работали и продвигались по службе в этих государственных организациях. Денег у нее не было, поэтому она работала машинисткой в нескольких госорганизациях. К тому времени, когда она попала в Агентство, Гейл была очень разочарована тем, что ее умения и квалификацию никто не оценивает и не замечает.

– Знаете, что он мне недавно сказал? – продолжала она. – Заявил, что они с женой смотрели The Nat King Cole Show, и я наверняка очень гордилась тем, что этот исполнитель попал на ТВ[4 - Певец Nat King Cole был черным.]. А когда я его спросила, чем именно я должна гордиться, он что-то пробормотал и смылся, – Гейл сделала глоток кофе. – Понятное дело, что я была рада за певца, но не собиралась говорить об этом Андерсону.

– Ну, по крайней мере, рабочий день у нас нормированный, – вставила Кейти Поттер. Кейти с пятнадцатисантиметровым «вшивым домиком» на голове была неисправимой оптимисткой и пришла на работу в Агентство вместе со своей старшей сестрой Сарой, которая спустя три месяца выскочила замуж за сотрудника, которого потом отправили служить за границу. Сара уехала вместе с мужем, и с тех пор Кейти говорила мало, а когда говорила, то всегда напоминала нам о том, что не все в мире так, как нам хотелось бы.

– Тогда за рабочий день с девяти до пяти, – произнесла Норма и подняла кружку, словно произносила тост.

Все последовали ее примеру. Норма поставила кружку на стол.

- И соцпакет здесь нормальный, - добавила Линда. - Когда я после колледжа работала в кабинете зубного врача, то мне даже не предоставили медстраховки на лечение зубов. Представляете? Помню, что дантист ставил мне новую пломбу втихаря, после окончания рабочего дня, понимаете? И то только потому, что он сам изъявил желание оказать мне эту услугу и, как он выразился, хотел со мной «ближе познакомиться». Он думал, что веселящий газ сделает меня более податливой.

- Ну и как, получилось? - поинтересовалась Кейти.

- Как тебе сказать... - Линда откусила кусочек доната.

- Ну? - произнесла Норма.

Линда проглотила кусочек доната.

- Веселящий газ - сильная штука. Гарантированно приводит в хорошее расположение духа.

Выйдя из кафе Ralph's, мы неторопливо шли в штаб-квартиру, расположенную по адресу д. 2430, Е-стрит. Комплекс зданий Агентства располагался в стороне от улицы и ее проезжей части. Во время войны здесь находилось Управление стратегических служб. Мы вошли через железные ворота и прошли по внутреннему двору, предназначенному для отдыха персонала. Пройдет еще два года, прежде чем Агентство переедет в Лэнгли. Тем временем организация располагалась в нескольких неброских на вид зданиях с видом на Национальную аллею. Эти здания мы называли «временками», потому что нам постоянно говорили, что мы вот-вот должны переехать. Зимой эти здания с жестяными крышами сложно было нормально протопить, а летом кондиционер работал точно так же, как и все остальное в Вашингтоне.

У Нормы был прикол: она периодически делала вид, что не хочет входить в тяжелые деревянные двери нашего здания.

– Нет, не пойду, – упорствовала она в тот понедельник, держась за голые ветки растущей у входа в здание вишни. Мы затащили ее внутрь и встали в очередь на досмотр, держа в руках ламинированные пропуска и готовые к тому, что для проверки содержимого в наши сумочки будут засовывать штырь.

Мы знали ее имя еще до того, как она приехала. Лонни Рейнолдс из отдела кадров еще в пятницу сообщила о том, что у нас появится новая машинистка.

– Ирина Дроздова. Андерсон представит ее вам в понедельник, – сказала Лонни.

– Еще одна русская, – заметила Норма. В том, что новенькая была русской, не было ничего особо примечательного. В отделе СР работало так много перебежчиков из России, что мы шутили, будто в кулере у нас не вода, а водка. Даллесу не нравился термин «перебежчики», и он предпочитал название «волонтеры». В любом случае эти русские чаще всего оказывались мужчинами, а не машинистками.

– Будьте с ней повежливей, – сказала Лонни. – Она вроде нормальная девчонка.

– Мы всегда вежливые.

– Как скажете, – с этими словами Лонни вышла из нашей комнаты.

Лонни нам никогда не нравилась.

Когда мы пришли в тот понедельник, Ирина была уже на месте.

Она была тонкой, как береза, со светлыми, средней длины волосами, а также прямой и ровной осанкой дебютантки. Мы целый час ее игнорировали, занимаясь своими делами. Ирина периодически слегка передвигала стул, печатную машинку на столе, теребила пуговицы на своем жакете и перекладывала скрепки из одного ящика стола в другой.

Мы не хотели вести себя грубо по отношению к Ирине. Но она пришла на место Табиты Дженкинс, которая была одной из старожилков нашего отдела. Муж

Табиты вышел на пенсию из Lockheed, и они отправились на постоянное место жительства в солнечный Форд-Лодердейл. И вот сейчас на ее месте сидела эта русская.

Поэтому мы не торопились радостно прыгать и кудахтать вокруг новенькой. Но после десяти утра атмосфера стала ощутимо некомфортной. Кто-то должен был что-то сказать, и первой начала разговор сама Ирина. Она встала, и все окинули взглядом ее стройную фигуру.

- Простите, - сказала она, не обращаясь к кому-либо конкретно, - не подскажете, где здесь туалет? - Она сняла с жакета обрывок нитки. - У меня сегодня первый рабочий день, - добавила она и покраснела от того, что констатировала очевидное. У нее не было никакого акцента, но ее тон казался немного неестественным, словно ей приходилось продумывать каждое слово перед тем, как что-то сказать.

- По разговору не похоже, что ты русская, - заметила Норма вместо того, чтобы сказать, где находится туалет.

- Я родилась здесь, это мои родители из России.

- Именно так и говорят все русские, которые здесь работают, - ответила Норма, и мы захихикали. - Я - Норма, - она протянула свою руку. - Я тоже здесь родилась.

Ирина пожала протянутую ладонь. Напряжение в воздухе исчезло.

- Рада со всеми познакомиться, - сказала русская и посмотрела по очереди в глаза каждой из присутствующих в комнате.

- По коридору направо и потом еще раз направо, - сказала Линда.

- Что? - переспросила Ирина.

- Женский туалет.

- А, да. Спасибо.

Мы дождались, когда она выйдет в коридор, и потом обсудили: насколько русской она кажется (совсем не похожа), цвет ее волос (некрашенная), странный выговор (бюджетный вариант Кэтрин Хепбёрн), а также ее слегка устаревший с точки зрения моды гардероб (купленный по распродаже или сшитый дома).

– Она кажется мне милой девушкой, – заметила Джуди, когда мы закончили обсуждение новенькой.

– Достаточно милой, – добавила Линда.

– Интересно, где ее нашли?

– В ГУЛАГе?

– Она симпатичная, – сказала Гейл.

Все мы согласились с этим утверждением. Ирина не была записной красоткой, которая может взять первое место на конкурсе. Ее красота была более сдержанной, более тонкой.

Ирина вернулась в комнату машинисток вместе с Лонни.

– Я надеюсь, что вы встретили Ирину доброжелательно? – спросила Лонни.

– О, да, – без тени сарказма ответила Ирина.

– Ну и отлично. А то эта группа девушек может оказаться крепким орешком.

– А я слышала, что все крепкие орешки работают у нас в отделе персонала, – заметила Норма.

Лонни закатила глаза.

– Поскольку мистер Андерсон сегодня не соизволил почтить нас своим присутствием... – начала она.

– Он что, заболел? – прервала ее Линда. Когда Андерсона не было в офисе, мы устраивали себе длинные ланчи.

– Его нет в офисе. Это все, что мне известно. Вырезают ли ему гланды или он отрубился на скамейке где-нибудь в парке – не мое дело, – Лонни встала спиной к нам и лицом к Ирине. – В любом случае я должна была убедиться, что у тебя есть все необходимое, после чего мне надо, – она подняла руки и сделала в воздухе знак кавычек, – отвести тебя на юг.

Ирина уверила Лонни, что у нее есть все необходимое, после чего они ушли. Потом все мы вышли в туалет, чтобы посоветоваться.

– Встреча? – спросила Линда. – И так рано?

– Интересно с кем? С Джей Эм? – сказала Кейти. Под инициалами Джей Эм она имела в виду начальника отдела СР Джона Мори.

– Она сказала «на юг», – заметила Гейл. Югом также можно было назвать деревянные временные здания ближе к памятнику Линкольну. – Тогда это к Фрэнку.

Норма закурила сигарету.

– Московская загадка, – она затянулась и выдохнула дым. – Конечно, она встречается с Фрэнком.

Фрэнк Уиснер был вторым человеком в Агентстве и ответственным за все тайные операции. Уиснер был одним из основателей так называемой «Джорджтаунской группы», в которую входили влиятельные политики, журналисты и руководящие сотрудники ЦРУ. Уиснер был из богатой семьи, проживавшей на американском Юге, и у него был южный акцент и манеры истинного джентльмена-южанина. Многие деловые вопросы Уиснер решал во время воскресных ужинов, которые организовывал у себя дома. Обсуждение видения нового мира проходило после сытного ужина с тушеным мясом и яблочным пирогом, под сигары и бурбон.

Но почему Ирина встречалась с Фрэнком? Еще и в первый рабочий день. Не нужно быть гением, чтобы понять, что ее наняли не за высокую скорость печатания на машинке.

Обычно машинистки выводили новых сотрудниц в Ralph's для того, чтобы узнать о новенькой все, что им было нужно. Откуда она? Что окончила: колледж или школу машинописи? Одинокая или живет с кем-нибудь? Любит бухнуть или ни капли в рот не берет? Потом мы спрашивали новую сотрудницу о том, где она стрижется, что любит делать по выходным, почему пошла работать в Агентство, а также узнавали ее мнение о новом дресс-коде, согласно которому женщинам запрещалось ходить в платьях без рукавов и в туфлях без каблуков. Но Ирина не вернулась к обеду, поэтому мы поели в кафетерии без нее.

Она появилась позднее. В ее руках была стопка написанных от руки отчетов из разных агентурных центров, которые надо было распечатать. Выражение лица и ее поведение были такими же, как и ранее. Все мы относились к работе как профессионалы и не стали задавать ей лишних вопросов о том, как прошла встреча, какими талантами она обладает и какие функции на нее возложили.

В половину пятого мы постепенно начинали сворачивать работу, убрали документы и начинали каждые три минуты поглядывать на часы. Ирина все еще стучала по клавишам. Мы были рады видеть, что у новой девочки была твердая рабочая этика в дополнение к тем скрытым способностям, которыми она могла обладать. Если бы она что-то не успевала по работе, то нам бы пришлось ей помогать. Ровно в пять часов мы встали и предложили Ирине сходить с нами в Martin's.

– Что ты предпочитаешь? – спросила Джуди. – Мартини? Том Коллинз? Сингапур Слинг?

– Не могу, – ответила Ирина, показывая на стопку листов на своем столе, – по работе не успеваю.

– «По работе не успеваю»? – заметила Линда, когда мы вышли на улицу. – И это-то в первый рабочий день?

– Слушай, а ты когда-нибудь встречалась с Фрэнком? – спросила Гейл.

– Черт, я и по сей день никогда не встречалась с Фрэнком, – сказала Норма.

Нас охватила черная зависть, и мы хотели узнать, кто такая эта новенькая. Мы хотели знать все про эту русскую.

Ирина быстро освоила работу. Прошло несколько недель, и она ни разу не попросила о помощи. И слава богу, потому что у каждой из нас и своей работы было достаточно. В ноябре атмосфера в отделе CP накалилась после неудачного восстания в Венгрии, а также из-за того, какую роль Агентство играло в подготовке этого восстания против советского строя. Агентство вело успешную антисоветскую пропаганду, и венгры вышли на улицы, чтобы бороться с советскими оккупантами, потому что надеялись на помощь Запада. Но Запад им не помог. Революция провалилась за двенадцать дней. В Times писали о том, сколько венгров погибло. Число жертв, по сообщениям СМИ, оказалось высоким, но согласно данным Агентства их было больше. Агентура считала, что мы все делаем правильно, и эту операцию готовили наши лучшие люди. Почему операция провалилась? Почему Агентство совершило ошибку? Главный шпион Аллен Даллес, которого видели только некоторые из нас, кто имел допуск для работы стенографом на самых важных встречах руководства, требовал ответа, и агенты хотели его найти.

Нас просили работать во время встреч, происходивших после окончания официального рабочего дня. Если встречи заканчивалась после того, как переставал ходить общественный транспорт, нам оплачивали такси. Приближался День благодарения, и мы волновались из-за того, что нас могут заставить работать в праздники. К счастью, этого не произошло.

Те, чьи семьи жили далеко и к кому нужно было лететь на самолете, на День благодарения обычно не уезжали, потому что сэкономили деньги для поездки к родным на Рождество. Оставшиеся в Вашингтоне собирались у машинистки, у которой была самая большая квартира, или у той, чья соседка по комнате уехала из города. Каждая из нас приносила стул и какое-нибудь приготовленное блюдо, и, хотя мы старались заранее планировать, кто что принесет, у нас всегда было по крайней мере четыре пирога с тыквой и запас индейки на целую неделю.

Уезжали домой те машинистки, родители которых жили там, куда можно добраться на автобусе или поезде.

Наши родители, братья и сестры встречали нас с большим почетом, ведь мы приезжали из Вашингтона, в котором сидело правительство, о деятельности которого каждый вечер сообщали в новостях. Мы сознательно темнили по поводу наших непосредственных рабочих обязанностей, чтобы члены наших семей думали, что мы живем гораздо более захватывающей жизнью, чем это было на самом деле. Мы как бы невзначай упоминали имена Нельсона Рокфеллера, Адлая Стивенсона, а также безумно красивого сенатора от штата Массачусетс Джона Кеннеди и утверждали, что встречались с ними и другими влиятельными людьми на вечеринках и социальных мероприятиях, хотя на самом деле максимум могли знать человека, который знал другого человека, видевшего одного из этих людей.

Для тех, кто уезжал на праздник к родственникам, важным социальным мероприятием была встреча с бывшими одноклассниками. Обычно такая встреча происходила в каком-нибудь баре вечером накануне Дня благодарения. В этот вечер мы одевались в лучшую одежду, надевали туфли с самыми высокими каблуками, были при полном макияже и следили за тем, чтобы губная помада не оставалась на зубах. Забыв о своих обручальных кольцах, популярные мальчишки, которые игнорировали нас в старших классах, говорили, как рады видеть нас, и советовали приезжать домой почаще. В Вашингтоне мы были всего лишь офисным планктоном, а в родном городе все считали, что наша жизнь удалась.

Сказав бывшим одноклассникам «Увидимся в следующем году», мы возвращались с вечеринки слегка навеселе и заставали дома спящим на диване одного из родителей, которые хотели дождаться нашего возвращения. На следующий день мы готовили индейку, ели индейку, потом спали, после чего снова ели индейку и ложились спать. «Приятно было побывать дома», – говорили мы нашим дядям, тетям, двоюродным братьям и сестрам. И через пару дней с бутербродом с индейкой в сумке мы уже сидели в поезде или автобусе, движущемся в сторону Вашингтона.

В тот День благодарения мы успели позабыть об Ирине и, вернувшись в офис, с удивлением обнаружили ее за столом, за которым раньше сидела Табита. Мы вежливо поинтересовались, как она провела праздники, на что Ирина ответила,

что они с матерью не праздновали День благодарения, но она купила замороженное блюдо с индейкой бренда Swanson Hungry-Man, и им оно очень понравилось.

– Пока я ходила налить себе второй бокал вина, моя мама съела половину моего картофельного пюре и зеленого горошка, – сказала Ирина. Мы не знали, что она живет вместе с матерью, но не успели ничего спросить, как в комнату вошел Андерсон с кипами бумаги в руках.

– В этом году Рождество наступило раньше, девочки, – произнес он.

Мы издали дружный стон. Мы ужасно завидовали машинисткам, работавшим на Капитолийском холме, которые уходили на каникулы, когда конгрессмены не заседали. Нам не повезло: Агентство никогда не спало.

– Работы привалило, девочки. Давайте не будем расслабляться, хорошо?

– Много индейки умял на прошлой неделе? – пробормотала Гейл, когда Андерсон вышел.

Мы принялись за работу. К одиннадцати часам каждая из нас уже выкурила по пять сигарет Virginia Slims и нетерпеливо поглядывала на часы. К полудню мы уже были готовы вскочить со стульев, чтобы отправиться на обед. У большинства из нас с собой были бутерброды с индейкой, а Кейти принесла еще термос супа на индюшачьем бульоне с вермишелью. Но сегодня был тот самый день, когда нестерпимо хотелось выйти из офиса. Даже после короткого отдыха нахождение в офисе казалось невыносимым. В этом смысле первый день после праздников казался самым тяжелым.

Линда встала первой и похрустела суставами пальцев.

– В кафетерий?

– Да ладно! – ответила Норма. – Может, в Hot Shoppes? Или в Orange Freeze?

– На улице слишком холодно, – заметила Джуди.

- И это слишком далеко, - добавила Кейти.

- La Niño? - предложила Линда.

- Не у всех есть доступ к бюджету мужа, - заметила Гейл.

Мы переглянулись и сказали хором: «Ralph's?»

В Ralph's делали не только лучшие донаты в округе, но и самый вкусный картофель фри и кетчуп домашнего производства. К тому же мужчины там никогда не обедали. Они предпочитали Old Ebbitt Grill, где подавали устрицы и мартини по десять центов. Иногда, когда мужчины хотели шикануть или «снять» кого-нибудь из нас (или по этим двум причинам одновременно), нас приглашали именно туда. Они заказывали целые подносы устриц и мартини всем приглашенным, хотя у Кейти была аллергия на устрицы, а Джуди вообще не ела никаких морепродуктов.

Мы спросили Ирину, не желает ли она к нам присоединиться, потому что она наконец заговорила, и мы хотели продолжить это общение. Ирина согласилась пойти с нами, хотя у нее в морозилке был замороженный обед Hungry-Man.

На выходе из здания мы встретили Тедди Хелмса и Генри Ренне, которые заходили внутрь. Тедди, в отличие от Генри, нам нравился. Многие сотрудники агентства считали, что единственное, на что мы способны, - это сидеть в углу и стенографировать. Но мы обращали внимание на то, кто делает успехи и поднимается по карьерной лестнице. Так вот Генри делал карьеру. Мы не понимали, почему эти двое были друзьями. Генри был человеком уверенным и красивым. Ему все в жизни доставалось легко: женщины, хорошая работа сразу после окончания Йельского университета, приглашения на правильные вечеринки. Тедди являлся его полной противоположностью - он был вдумчивым, таинственным и всегда тщательно взвешивал то, что собирается сказать.

- Вы не представили нас новенькой, - сказал Генри, хотя все мы избегали зрительного контакта с ним. Тедди стоял рядом с Генри, засунув руки в карманы и искоса поглядывая на Ирину.

- Акулы нарезают круги, - прошептала Кейти.

- А что, ты ожидал приглашения на вечеринку в честь ее появления? - спросила Норма, не скрывая своей неприязни к Генри.

Прошлым летом в отделе CP ходили слухи о том, что Генри переспал с Нормой после вечеринки в доме Андерсона. На самом деле Генри предложил Норме подвезти ее домой после вечеринки и, пока горел красный сигнал светофора, залез ей рукой под юбку. Норма не сказала ни слова, открыла дверь автомобиля и вышла. Генри закричал ей, чтобы она не валяла дурака и села в чертов автомобиль, а остальные водители начали сигналить, чтобы она поскорее ушла с проезжей части. В результате Норме пришлось идти до дома пешком семь километров. Об этом случае она рассказала нам лишь спустя несколько месяцев.

- Конечно, - отвечал Генри, - я должен знать все, что происходит в отделе.

- Неужели? - спросила Джуди.

- Меня зовут Ирина, - произнесла русская и протянула Генри руку. Тот рассмеялся.

- Интересно, - сказал он, пожимая ее руку так крепко, будто собирался сломать ей кости. - Генри. Рад знакомству, - он повернулся к Норме. - Смотри, видишь, как все просто?

- Тедди, - представился его спутник, протягивая Ирине руку.

- Рада знакомству, - ответила Ирина. Было видно, что она просто ведет себя вежливо, но по неуверенному поведению и позе Тедди можно было сделать вывод о том, что Ирина ему понравилась.

- Ну, что ж, - заметила Норма, показывая пальцем на запястье, на котором у нее не было часов, - от нашего часового обеденного перерыва осталось полчаса.

На улице в лицо ударил порыв ветра. Мы поплотнее замотались шарфами, а Ирина поправила платок, который закрывал ее голову и шею. Интересно, какие еще привычки у нее остались от старой родины?

Мы хотели спросить ее мнение о Генри и узнать, что она думает о Тедди, но решили не начинать этот разговор до того, как окажемся в Ralph's.

Между фонарными столбами уже были натянуты рождественские гирлянды. Мы на минуту задержались у витрины магазина Kann's, в которой молодая женщина меняла осеннюю экспозицию на зимнюю.

– Красиво, – сказала Ирина. – Я люблю Рождество.

– Но русские же вроде не отмечают Рождество? – поинтересовалась Линда. – Они же против религии?

Мы обменялись взглядами, пытаюсь понять, задел ли ее этот вопрос. Но Ирина лишь поплотнее закутала платок вокруг лица и с сильным русским акцентом сказала: «Но я же здесь родилась, понимаете?» Мы рассмеялись от того, что теперь людей в нашей группе стало больше.

Глава 4. Ласточка

– Помните змею? – спросил Уолтер Андерсон, держа бокал с шампанским на парاپете яхты Miss Christin и щедро расплескивая его содержимое в Потомак. Его лицо было красным, правда, скорее от холодного ветра, чем от алкоголя. Стоящие вокруг него шесть человек, включая меня, уже не раз слышали эту историю.

– Ну как можно забыть про змею? – ответила я.

– Ты, Сэлли, ее точно не забудешь, – сказал он и подмигнул.

Мне нравилось подыгрывать Андерсону, а он любил подыгрывать мне. Во время войны мы с ним работали в Канди в отделе пропаганды. Отдел, в котором мы работали, назывался отделом идеологических операций. В те годы Андерсон неоднократно пытался вывести наши отношения на интимный уровень, но после того, как я десять раз дала ему от ворот поворот, он успокоился и решил взять на себя роль моего старшего брата.

– Кажется, тебе что-то в глаз попало, – сказала ему я. Многие считали Андерсона излишне навязчивым, но я его воспринимала как безобидного пошляка.

Окружающие внимательно нас слушали. Когда все мы собирались в неформальной обстановке, где обязательно присутствовал алкоголь, то неизбежно начинали вспоминать разные старые истории. После войны у большинства агентов появились новые истории, о которых им было запрещено говорить. Поэтому рассказывали только старые, которые все уже сто раз слышали. История про змею была коронным номером Андерсона. Поговаривали, что после службы в Управлении стратегических служб Андерсон пытался работать сценаристом в Голливуде. Мы слышали, что он написал несколько сценариев в стиле чего-то среднего между шпионским детективом и научной фантастикой. По поводу этих сценариев у него были встречи с продюсерами, но эти проекты так никогда и не «взлетели». Он решил, что до конца своих дней будет тренировать замах в гольф-клубе Columbia Country, но вскоре это занятие его так утомило, что всего через пару месяцев он уже стучался в дверь Даллеса (буквально в дверь его дома в Джорджтауне) и просил взять его на работу в Агентство. Андерсону тогда было чуть за пятьдесят, и несмотря на то, что он хотел работать в агентурной сети, его отправили на административную работу.

Собравшаяся в тот вечер компания отмечала своего рода юбилей. Одиннадцать лет назад после окончания войны все мы закончили нашу службу на Цейлоне. Будущее американской разведки и Управления стратегических служб выглядело туманно. Агентство было сформировано спустя два года после окончания войны. За два года бывшим офицерам спецслужбы надоело зарабатывать деньги в адвокатских и брокерских конторах в Нью-Йорке. Они хотели снова служить своей стране, но еще больше им хотелось ощущать власть, которой наделены секретные агенты. Именно это ощущение власти для многих, в том числе и для меня, было в состоянии вскружить голову сильнее, чем любой наркотик, секс и остальные способы, помогающие получить резкий приток адреналина в крови.

Мы планировали отметить десятилетие окончания службы, но все время откладывали это мероприятие, пока наконец кто-то волонтаристским образом не назначил дату торжества.

- Так вот, - продолжил Андерсон, - клянусь Богом, это была двенадцатиметровая тварь.

- Тридцать девять футов? - с удивлением переспросил кто-то из молодых сотрудников.

- Да, Генри, мой мальчик. И прошу обратить внимание - она была людоедом. Пока я не занялся этой тварью, она успела съесть пяток ланкийцев.

- А откуда ты знаешь, что это была она? - поинтересовалась я.

- Поверь мне, Сэлли, только женщина способна создать такое опустошение и разгром.

Остановить ее мог только мужчина.

- А с какого перепугу это дело поручили именно тебе? - спросила я.

- Для налаживания связей с общественностью, - спокойно ответил он. - Эта змея представляла угрозу для общества. Я вам отвечаю, она была словно из фильма ужасов. Клянусь Богом, что эта змея и по сей день иногда является мне в кошмарах. Можете спросить Пруди, - он показал на свою жену - невысокого роста женщину с большими желтыми пластиковыми серьгами, которая вместе с остальными женами сидела в каюте яхты. Пруди выглянула в иллюминатор и помахала рукой. - Ну, она не выйдет из своей норы...

- Точно так же, как и в этой истории! - крикнул кто-то в задних рядах.

- В этой истории была не нора, а скорее пещера, - заметил Андерсон, игнорируя суть замечания насмешника. Эта змея могла месяцами там сидеть, спать и ждать. А потом в один прекрасный день выползала из убежища, находила

корову и потом на нее бросалась. Бум! – он хлопнул в ладоши. – И утаскивала бедное парнокопытное к себе в нору. В общем, все это было большим ударом по экономике той деревни. И все это было совершенно лишним.

– Быть съеденным змеей – ужасная смерть, – заметил присоединившийся к группе Фрэнк Уиснер. Круг слушателей, стоявших вокруг Андерсона, расступился, чтобы пропустить Фрэнка ближе к рассказчику. Фрэнк платил за аренду лодки, за алкоголь, который все пили, и за коктейли с креветками, которые все ели. – Бедная корова и подумать не могла, какая судьба ее ждет, – продолжал Фрэнк с сильным акцентом уроженца Миссисипи. – Стояла себе в поле, жевала свою жвачку, думала о том, не сходить ли к ручью, чтобы воды попить, а тут...

– Фрэнк, не нагнетай, – заметил Андерсон, – боже ты мой.

Андерсон начал говорить довольно невнятно, и его слова как бы слипались друг с другом. Все это свидетельствовало о том, что он выпил лишнего и все это может для него плохо закончиться. Среди слушателей появился босс, и я подала Андерсону знак, чтобы он побыстрее заканчивал свою историю.

– Я курировал эту операцию.

– Операцию Ка? – шутливо спросила моя подруга Беверли. Эти слова она произнесла с улыбкой и легкой икотой. В толпе послышался смех.

– Бог ты мой, да дайте рассказать историю до конца!

– Никто тебе не мешает, – произнесла Бев высоким и слегка гортанным голосом, что свидетельствовало о том, что она выпила больше бокалов шампанского, чем ей следовало. На ней было черное платье-балахон от Givenchy, которое она купила во время одной из недавних поездок в Париж. После войны Бев вышла замуж за нефтяного лоббиста, который одевал ее по последней моде, лишь бы она не обращала внимания на то, что он возвращался домой поздно ночью, пахнувший бурбоном и поддельными Chanel No. 5. Она ненавидела мужа лютой ненавистью, но выполняла все условия договоренности с ним. Бев не гнобила его за такое поведение и на деньги мужа скупала все платья из последних коллекций, как только те появлялись в продаже после показов на подиумах, и крутила роман со своим бывшим коллегой по Управлению стратегических служб.

Новое платье не особо подходило к ее фигуре, но я должна была отдать должное смелости моей подруги и ее стремлению быть в тренде.

Кто-то передал Андерсону карманную фляжку. Он сделал глоток и закашлялся.

– Ну, так вот, – продолжил он, – к этой норе, дыре или пещере, назовите ее, как вам больше нравится, я привел десять человек. План был следующий – выкурить тварь из ее логова. А для поимки змеи я подготовил мешок.

– Это что за мешок, в который можно засунуть такую большую змею? – спросил Фрэнк. Он улыбался и раззадоривал Андерсона. Они одновременно начали службу в Управлении стратегических служб, но Фрэнк сделал блестящую карьеру, а Андерсон так и остался где-то на уровне среднего звена. Фрэнк был очень красивым и худым, как и тридцать лет назад, когда считался в колледже отличным легкоатлетом. Он был человеком, считавшим, что в жизни нет ничего невозможного, особенно если он сам руководит операцией. Но в тот вечер, как я заметила, его настроение было не самым лучшим. Пару раз я обратила внимание на то, что он стоял отдельно от остальных гостей и смотрел на медленно текущие воды Потомака. Я подумала о том, что, возможно, в слухах о том, что Фрэнк пережил серьезный кризис после того, как русские подавили готовившееся Агентством восстание в Венгрии, есть доля правды.

Андерсон сделал еще один глоток из фляжки и откашлялся.

– Хороший вопрос, босс. Мы сшили вместе несколько мешков из плотной ткани и вставили в этот гигантский мешок «молнию».

Фрэнк ухмыльнулся. Он знал, чем заканчивается эта история.

– И мешок выдержал?

Андерсон сделал еще глоток.

– Пять парней держали этот мешок, два были готовы застегнуть «молнию», два стояли с пистолетами наготове, ну, а я командовал операцией и следил за тем, чтобы все шло по плану.

– Действительно, что здесь может пойти не по плану? – спросила я.

– Действительно, что? – повторил Фрэнк, и все рассмеялись над шуткой начальника чуть громче, чем она того заслуживала.

– Сейчас все узнаете! – заверил присутствующих Андерсон, но тут яхта Miss Christin дернулась, и ее мотор остановился. Кто-то отправился на мостик, чтобы узнать у капитана, в чем дело. Капитан оказался не на мостике, а в компании чужих жен в трюме с бокалом в руке. Он отправился к инженеру, после чего сообщил, что выбило предохранитель, и он свяжется с берегом, чтобы выслали буксир, который оттащит яхту обратно к пристани. Фрэнк сказал капитану, чтобы тот на час повременил с этим звонком, и вечеринка продолжилась.

Яхта качалась на волнах, и Андерсон продолжил свой рассказ. Он поведал о том, что змею выкуривали слезоточивым газом, а когда она выползла наружу, то ее сразу засунули в мешок и застегнули молнию, но через пару минут тварь прорвала в мешке дырку и выползла наружу. Но Андерсон уже стоял с пистолетом наготове.

– Я выстрелил ей прямо между глаз, – закончил он свой рассказ.

– Бедняжка, – сказала я.

– Вранье все это, – заметил Фрэнк.

Андерсон положил ладонь на то место на груди, где у него было сердце.

– Клянусь Богом, – сказал он.

Все перечисленные им факты подтвердила жена Андерсона Пруди, когда я обедала у них дома вскоре после этого инцидента. Тогда Пруди сказала, что змеиная кожа лежит у них в старом холодильнике в подвале.

– Понятия не имею, зачем он притащил ее домой, – сказала она мне тогда.

Я сжала руку Андерсона, извинилась и вышла на корму к Бев.

Она дала мне прикурить и сказала: «Привет, незнакомка. Андерсон уже закончил свой рассказ?»

- Слава богу, да.

Вдалеке был виден освещенный мемориал Джефферсону, за которым мирно спал Район. Ночное небо накрыло дремлющий город, в котором до утра затихли политические интриги, и никто не вел никаких тайных манипуляций.

- Все не так уж плохо, верно? - спросила Бев.

- Да вроде все в порядке, Бев, - ответила я. Меня саму удивило то, что я получила удовольствие и повеселилась на этой вечеринке. После войны я вернулась в Вашингтон в надежде найти работу в госдепе и получила работу в этой организации. Правда, мне не предоставили мой собственный кабинет, а засунули в подвал разбирать старые архивы. Через полгода я уволилась, после чего перестала видаться со старыми коллегами.

В этой жизни я много кем была и исполняла самые разные роли, но у меня не было желаний становиться архивариусом, и даже притвориться им я не могла.

Я была официанткой, медсестрой и наследницей. Я изображала из себя библиотекаршу. Я была чей-то женой, любовницей и невестой. Я была русской, француженкой и англичанкой. Я была из Питтсбурга, Палм-Спрингс и Виннипега. Я могла перевоплотиться практически в кого угодно. У меня было вызывающее доверие лицо - большие глаза и улыбка, говорящая людям о том, что меня можно читать как открытую книгу.

Я производила впечатление человека, у которого нет секретов, а если бы и были, то я не в состоянии сохранить их в тайне.

Все это в сочетании с женственными формами, ставшими популярными после появления на экранах Джейн Мэнсфилд и Мэрилин Монро, которые в подростковом возрасте я пыталась усмирить голодом, помогали мне вытягивать

секреты у влиятельных мужчин.

Гордо бросив работу архивариуса, я собрала девочек, и мы отправились танцевать в Cafe Trinidad. Я планировала танцевать до рассвета, но, к сожалению, в Вашингтоне все бары закрываются в полночь. На следующее утро я подлечилась «Кровавой Мэри» и пережила небольшой нервный срыв от осознания того, что у меня нет работы, доходов и сбережений. Отсутствие сбережений объяснялось тем, что я слишком сильно ценила красивые вещи. Можно воспринимать эту черту моего характера как проклятие или, наоборот, как благословение. К счастью, благодаря моему врожденному чувству стиля многие считали, что я родилась в богатой семье где-нибудь в Гринвиче или в Гросс-Пойнте, а не в бедной Маленькой Италии в Питтсбурге. А проклятие состояло в том, что зачастую я жила не по средствам.

Я понимала, что должна что-то придумать до тех пор, пока на моем банковском счете еще оставались деньги. В отличие от некоторых моих друзей, у меня не было мамочки и папочки, которые могли помочь деньгами в трудную минуту. Вечером я просмотрела содержимое моей записной книжки с адресами и назначила несколько свиданий: с адвокатами, лоббистами, парой конгрессменов и даже одним дипломатом. Все эти свидания были утомительными, но в итоге у меня появились деньги на оплату квартиры в Джорджтауне, меня кормили неплохими ужинами, и мужчины, от общества которых я была в таком восторге (в чем я смогла их успешно убедить), платили за мои наряды от кутюр, которые были совсем не хуже тех, в которых расхаживала Бев. Эти мужчины меня совершенно не привлекали, и все же довольно легко было убедить их в обратном.

Некоторое время меня устраивала моя «работа», но потом утомила предсказуемость циклов: такси-ужин-отель-такси-ужин-отель. Это, а также то, что приходилось постоянно тратить время и деньги на поддержание в надлежащем состоянии тела и внешнего вида, наскучило донельзя. Все эти спа-процедуры, эпиляции, шеллак, стрижки и массажи (а также бесконечный шопинг) уже сидели у меня в печёнках.

Я раздумывала о том, не стать ли мне стюардессой. Во-первых, мне очень идет синий цвет, а форма у стюардесс Pan Am была именно такого цвета. Во-вторых, мне нравится путешествовать. Именно это больше всего привлекало меня во время войны – возможность каждые несколько месяцев сниматься с одного места и переезжать в другое. Но в компании посмотрели на мой возраст

(тридцать два, если честно, и тридцать шесть, если уже совсем по чесноку) и сказали, что у меня «слишком высокая квалификация» для этой должности.

Если честно, я очень скучала по работе в разведке. Я хотела знать то, чего не знали другие. Поэтому, когда Бев вчера позвонила мне и предложила сходить на вечеринку, я тут же согласилась.

– Сколько знакомых лиц, – заметила Бев, окинув взглядом присутствующих. Снова заиграла музыка, и люди начали танцевать, расплескивая друг на друга коктейли из джина с тоником. Я смотрела, как Джим Робертс что-то шепчет в ухо одной несчастной девушке. Однажды на посольской вечеринке в Шанхае Джим поймал меня в углу, обхватил за талию и завил, что не отпустит, пока я ему не улыбнусь. Я ему улыбнулась, но сразу после этого ударила его коленом прямо по яйцам.

– Может быть, даже слишком много знакомых лиц, – заметила я.

– Вот за это и выпьем, – ответила она. Бев наклонилась над парапетом палубы и смахнула с лица прядь темных волос. Она была женщиной, красота которой раскрылась не в юности, не во время обучения в колледже и даже не тогда, когда ей было чуть за двадцать. Ее красота начала раскрываться в полную силу, только когда ей было уже под тридцать. У Бев тоже был богатый опыт общения с Джимом Робертсом.

– И мне очень хотелось бы, что сейчас здесь были все наши девочки, – продолжала она.

– Мне тоже.

Мы с Бев были единственными из нашей старой команды, кто все еще жил в Вашингтоне. Джулия была со своим новым мужем во Франции, Джейн – в Джакарте с чьим-то мужем, Анна – в Венеции или в Мадриде, в зависимости от того, как она себя чувствовала в тот или иной месяц. Мы познакомились на корабле *Mariposa* – бывшем круизном корабле класса люкс, на котором солдат перевозили на фронт. Мы были единственными женщинами на борту и жили в каюте с металлическими нарами и туалетом, в котором из крана текла холодная соленая вода. Несмотря на условия проживания, близкие к палаточному лагерю, и морскую болезнь, мы прекрасно ладили. Всем нам тогда было чуть за

двадцать, и каждая была готова на все, чтобы добиться в жизни успеха. Все мы в детстве читали «Остров сокровищ» и «Приключения Робинзона Крузо», а потом, когда немного подросли, роман «Она» Генри Райдера Хаггарда. Все мы разделяли уверенность в том, что приключения – это удел не только мальчиков, и были открыты всему новому и неизведанному.

Самым важным было то, что у нас было схожее чувство юмора. Мы прекрасно пережили путешествие, во время которого нам надо было делить на всех один туалет, спустить который, особенно во время шторма или сильной качки, было крайне проблематично.

Джулия любила пошутить и предложила распусть слух о том, что мы – молодые католические монахини, направляющиеся в Калькутту.

Мужчины пытались поговорить с нами при любой представившейся возможности, и, узнав об этом, неожиданно стали очень религиозными. Один солдат попросил нас молиться за его больного пса. Я перекрестила его, а Бев громко рассмеялась.

К тому времени, когда *Mariposa* доплыла до Цейлона, мы очень сблизились. Держась друг за друга, в накрытом брезентовым тентом кузове грузовика, через джунгли мы добрались до Канди. Это был городок, окруженный зеленеющими от плантаций чая террасами и рисовыми полями. В Бирме по ту сторону Бенгальского залива шли военные действия, но на Цейлоне было тихо и спокойно.

Многие из нас тепло вспоминали наши пребывание на Цейлоне. В письмах, а если повезет, то при личной встрече, мы часто вспоминали цейлонские ночи и небо, такое большое, что казалось, что звезды на нем были расположены слоями. Мы вспоминали, как срезали ржавым мачете с деревьев папайю, которая росла недалеко от покрытых соломой домиков, в которых располагались офисы Управления стратегических служб, а также о том, как однажды к нам забрел слон, и нам пришлось увести его подальше, приманивая банкой арахисового масла. Мы вспоминали проходившие в офицерском клубе вечеринки до утра и о том, как болтали ногами в озере, но потом в ужасе вытаскивали их из воды, увидев в глубине какое-нибудь огромное чудище. Вспоминали монахов, идущих к храму Зуба Будды, выходные, проведенные в душном Коломбо, и обезьянку-

лангура, которая родила в домике, в котором мы хранили продовольствие, и которую мы назвали Матильдой.

Сперва я занималась бумажной работой: заполняла документы и печатала. Но после посещения вечеринки в роскошном доме графа Луиса Маутнбаттена, расположенного в холмах над нашей штаб-квартирой, траектория моей карьеры резко изменилась. Это была первая из многих вечеринок, которые мне удалось посетить. На той вечеринке я выяснила, что влиятельные мужчины готовы поделиться со мной важной информацией даже тогда, когда я не спрашиваю об этом у них напрямую.

Началось все очень просто. На ту первую вечеринку я надела черное платье с низким вырезом, которое «на всякий случай» взяла с собой Бев. К концу вечера обхаживавший меня торговец оружием из Бразилии проговорился о том, что слышал, что среди людей Луиса Маутнбаттена есть предатель. На следующий день я сообщила об этом Андерсону. Какие действия люди из Управления предприняли после получения этой информации, я не знаю, но вскоре я стала получать массу приглашений на социальные мероприятия, на которых присутствовали заезжие VIPы, а также четкие указания по поводу того, что именно я должна у них узнать.

У меня очень хорошо получалось все то, о чем меня просили, и мне выдали деньги на приобретение платьев, которые нам прислали из Америки вместе с туалетной бумагой, консервированной ветчиной и средством против комаров. При этом, должна признаться, я никогда не считала себя шпионом. Мне казалось, что настоящий шпион должен уметь больше, чем просто улыбаться, смеяться над глупыми шутками и делать вид, что ей очень интересен ее мужчина-собеседник. Тогда у того, чем я занималась, не было специального названия, но на той вечеринке я стала Ласточкой – женщиной, использующей данные ей Богом таланты для того, чтобы добывать информацию. Эти таланты я копила в себе с самого начала полового созревания, развивала в молодости, когда мне было двадцать, и шлифовала, когда мне уже стукнуло за тридцать.

Этим мужчинам казалось, что они меня используют, но все было наоборот – так думать заставляли их именно мои силы и способности.

– Потанцуем? – предложила Бев.

Я наморщила нос, а она подвигала бедрами из стороны в сторону.

- Под эту музыку? - прокричала я под играющего на полную мощность Перри Комо. Бев было все равно, под какую музыку танцевать. Она взяла меня за руки и начала раскачивать их взад-вперед до тех пор, пока я не сдалась. Но как только я разошлась и начала танцевать, иглу проигрывателя с громким треском сняли с пластинки. Кто-то в задних рядах начал стучать столовым прибором о бокал, а остальная часть толпы к нему присоединилась, от чего показалось, что от сильных порывов ветра звенит большая хрустальная люстра.

- О боже, - пробормотала Бев, - начинается.

Мужчины начали произносить тосты: «За Фрэнка!», «За Дикого Билла!», «За статистов клоунов!». Потом они распевали песни, с которыми мы уже были знакомы по Канди - I'll Be Seeing You и Lili Marlene, ну, а потом настал черед студенческих песен Гарварда, Принстона и Йеля. Мы с Бев всегда с улыбкой воспринимали пьяное пение, которым заканчивались все наши вечеринки, но на этот раз мы тоже подпевали, взяв друг друга за руки.

Прозвучал свисток, и к яхте подплыл буксир, который должен был оттащить нас к пристани. В это время все пели один из студенческих гимнов Йеля «Под вязами». Капитана буксира пригласили выпить с нами на посошок.

Вид у капитана и его помощника, которых явно подняли из кровати для того, чтобы нас спасти, был не самым счастливым.

Уже стоя на твердой земле, мужчины принялись обсуждать, куда направятся дальше - в Social Club на Шестнадцатой улице или в круглосуточный дайнер на U-стрит. Мы попрощались с Бев рядом с черным седаном, который прислал за ней муж, и пообещали друг другу, что скоро снова встретимся.

- Ты уверена, что тебя не надо подвезти? - спросила она.

- Хочу прогуляться и подышать!

– Как хочешь, – машина тронулась, и она отправила мне воздушный поцелуй сквозь окно с опущенным стеклом.

Кто-то потрогал меня за плечо.

– Можно с тобой прогуляться? – спросил меня Фрэнк. – Я тоже хочу подышать.

Его дыхание пахло табаком и ментолом, и вид у него был совершенно не пьяный. Я подумала о том, что он, видимо, весь вечер пил Coca-Cola.

– Нам же с тобой в одну сторону, верно?

Фрэнк жил через улицу от меня, хотя в плане стоимости, площади и комфорта его дом был намного лучше моей квартиры над французской пекарней.

– Это точно, – ответила я. Фрэнк был настоящим джентльменом и за время нашего знакомства ни разу не пытался со мной переспать. Если Фрэнк говорил, что у него ко мне есть разговор, то всегда говорил о делах. Он махнул рукой водителю черного автомобиля с открытой задней дверцей.

– Сегодня вечером я прогуляюсь, – сказал Фрэнк, водитель приподнял шляпу и захлопнул открытую дверцу.

Мы пошли, удаляясь от Потوماка через центр спящего города.

– Хорошо, что пришла, – сказал он. – Я очень надеялся, что Беверли уговорит тебя прийти.

– Она была частью тщательно продуманного плана?

– А когда-нибудь было иначе?

Я рассмеялась.

– Это верно.

Он замолчал, словно забыл, зачем он напросился прогуляться со мной.

– Мог бы раньше водителю сказать, что он тебе не нужен. А то он тебя полночи прождал.

– Я не знал, что захочу пройтись, – ответил он, – до тех пор, пока не принял решение.

– Принял решение?

– Ты скучаешь?

– Постоянно, – сказала я.

– Я тебе завидую. Честное слово.

– А ты сам хотел бы бросить? После окончания войны?

– Я никогда не ломаю голову над гипотетическими вопросами, – ответил он, – правда, сейчас... я не могу сказать, что у меня есть окончательная уверенность.

Все уже не такое черно-белое, как было раньше.

Мы подошли к зданию пекарни, в окнах которой уже горел свет. Пекарь ставил выложенные на противень куски теста в виде багетов. Я выбрала квартиру в этом доме не только потому, что могла себе позволить оплачивать ее аренду при моей небольшой зарплате, но и потому, что мне нравится запах свежего хлеба. Я не очень люблю хлеб, но запах мне нравится.

– Я слышал, что ты ищешь работу.

– От тебя, Фрэнк, сложно что-либо утаить.

Он рассмеялся.

– Я бы сказал, что почти невозможно.

– У тебя есть для меня проект?

Он улыбнулся одними губами.

– Да, есть проект, который мог бы тебя заинтересовать.

Я наклонилась к нему поближе.

– Проект связан с одной книгой.

Восток. 1950–1955

Глава 5.

Перевоспитанная и реабилитированная женщина

Уважаемый Анатолий Сергеевич Семенов,

Это не то письмо, которое вам хотелось бы прочитать. Это письмо не о книге. В письме вы не найдете признаний о преступлениях, в которых вы хотели меня обвинить. Но в этом письме я не прошу о снисхождении и не убеждаю в своей невиновности. Я невиновна в том, в чем вы хотели меня обвинить, но все же определенная доля вины лежит на моей совести. Я жила с женатым мужчиной. Я не была хорошей дочерью и хорошей матерью. Моей матери пришлось доделывать то, что не смогла довести до конца я сама. Все это уже позади, но тем не менее я ощущаю потребность в том, чтобы изложить все это на бумаге.

Вы можете поверить каждому слову, написанному огрызком карандаша, за который я отдала две порции сахара, или вы можете посчитать, что все, что я написала, является чистой выдумкой.

Это не имеет никакого значения. Несмотря на то, что ваши имя и фамилия стоят в обращении в начале этого письма, я пишу не для вас. Я никогда не отправлю это письмо. Я буду сжигать эти страницы по мере их написания. Ваши имя и фамилия – это ничего не значащая формальность.

Вы утверждали, что во время наших ночных бесед я поведала вам не все, оставив «дыры» в своей истории. По своей работе следователя вы наверняка знаете, что человеческая память может быть весьма ненадежной. Возможно, один человек не в состоянии правдиво изложить всю историю и во всей ее полноте. Тем не менее я попытаюсь это сделать.

У меня есть огрызок карандаша короче моего большого пальца. Мое запястье уже ноет и болит. Но я буду писать до тех пор, пока грифель не сотрется полностью.

С чего же мне начать свой рассказ? Может быть, с настоящего момента, с того, что происходит прямо сейчас? С того, как я провела день, свой восемьдесят шестой день из 1825, оставшихся до того, как закончится мой исправительный срок и я стану перевоспитанной и реабилитированной женщиной? Или все же начать с того, что я пережила до этого? Вы хотите узнать о том, как я попала сюда, в место, находящееся в 600 километрах от Москвы? Приходилось ли вам бывать в поездах, которые едут совершенно в никуда? Приходилось ли вам находиться в деревянных бараках без окон, в которых мы ждали, пока нас отправят дальше по этапу? Знаете ли вы, Анатолий, каково жить на задворках мира? Вдали от Москвы, от своей семьи, от тепла и доброты?

Вы знаете, что последнюю часть маршрута конвоиры заставили нас идти? Было так холодно, что когда шедшая рядом со мной женщина упала и конвоиры сняли с нее ботинок, то в нем остался отморозенный мизинец. Знаете ли вы, что в одном вагоне со мной ехала женщина с двумя тонкими косичками до пояса, которая утопила своих детей в ванне? Когда ее спросили, зачем она это сделала, эта женщина ответила, что ей приказал голос в ее голове, который и сейчас не замолкает.

Рассказать вам о том, как эта женщина просыпалась с громким криком?

Нет, Анатолий, я не буду вам все это описывать. Наверняка эти подробности покажутся вам чрезмерно скучными, а я не хочу испытывать ваше терпение. Мне бы хотелось, чтобы вы продолжали читать это письмо.

Так что я начну с начала.

Из Москвы нас отправили в пересыльную тюрьму, надзирателями в котором были женщины. Условия жизни в лагере были чуть лучше тех, в которых я находилась во время нашего с вами общения. Камеры с цементным полом были чистыми и пахли аммиаком. У каждой заключенной в камере № 142 был свой матрас, а ночью надзиратели выключали свет, чтобы мы могли спокойно спать.

Но все это продолжалось недолго.

На следующую ночь после прибытия нас выгнали из камеры и посадили в теплушку, сообщив, что отправляют в Потьму. Теплушка была темной, и в ней пахло гнилым деревом. Для того чтобы конвоиры могли нас видеть, внутри вдоль всей теплушки шел коридор, отгороженный от той части вагона, в которой мы находились, железной решеткой. В арестантской части вагона стояло два металлических ведра – один в качестве туалета, а другой со щелочью, чтобы присыпать экскременты.

Я заняла самые верхние нары, легла и вытянула ноги. Сквозь малюсенькую щель в стене вагона я видела кусочек неба. Если бы этой щели не было, то я бы даже не знала, день сейчас или ночь, и не могла бы посчитать, сколько дней мы были в пути.

Однажды ночью поезд остановился. Здание рядом с платформой было больше похоже на хлев, чем на железнодорожную станцию. У поезда стояли конвоиры с огромными собаками. Раздался приказ выйти на платформу, но мы переглянулись и не торопились выходить. Один из охранников дернул какую-то женщину с рыжими волосами за руку и приказал всем выйти и построиться на платформе. Мы вышли из теплушки, не произнеся ни слова.

Цепочкой нас повели вперед по бездорожью. Я засунула руки в рукава пальто, чтобы они не мерзли.

Сначала мы шли друг за другом по снегу вдоль железнодорожных путей, которые вскоре закончились. Никто не спросил у конвоя, как долго нам идти, хотя мы думали только об этом. Два дня или два часа? Или две недели? Я старалась ставить ногу в след идущей впереди меня женщины и концентрировалась только на этом. Я старалась не думать том, что пальцы на руках и ногах начало покалывать от холода, а также о том, что текущие из носа сопли застывали на впадине над верхней губой – на том самом месте, которое Борис так любил трогать пальцем.

Все происходящее очень напоминало сцену из романа «Доктор Живаго».

Да, Анатолий, из той самой книги, которой вы так интересовались. У меня было ощущение, что Боря описал этот самый поход. Свет полной луны освещал покрытые снегом равнины, и следы заключенных блестели, словно серебро. Было inferнально красиво, и мне хотелось убежать в стоящий вокруг нас лес и бежать до тех пор, пока не кончатся силы или пока меня кто-нибудь не остановит. Мне кажется, что я была бы не против того, чтобы умереть в том месте, которое, как мне казалось, родилось в грезах Бори.

Потом впереди над вершинами елей мы увидели сторожевые вышки, на каждой из которых была нарисована темно-красная звезда. Подойдя поближе, мы увидели колючую проволоку, пустой плац и ряды барачных корпусов, соединенных с серым небом дымом, идущим из трубы на крыше. Вдоль колючей проволоки разгуливал тощий петух с переломанным клювом и изуродованным гребнем.

Мы пришли.

Не могу отвечать за всех остальных, но каждую секунду, каждую минуту, каждый час и каждый день нашего марша, который длился четыре дня, я мечтала о тепле. Но когда нас запустили внутрь и мы стояли на плацу около бочек, в которых горел огонь, я поняла, что никогда не чувствовала себя такой промерзшей, как тогда.

Вдоль дальнего периметра плаца стояла шеренга женщин. В их руках были тарелки и кружки. Они ждали обеда. Когда нас вывели на плац, эти женщины повернулись и окинули нас взглядом. Они посмотрели на наши головы, которые еще были нестриженными, и руки, которые замерзли, но пока еще не были покрыты мозолями. Мы же в свою очередь смотрели на их истощенные лица, бритые или обвязанные платками головы, их широкие, но понурые плечи. Вскоре все мы станем похожими на них. И так же будем стоять и смотреть, как на перевоспитание приводят партию новеньких.

На плацу появился десяток женщин-надзирателей, а мужчины-конвоиры, которые привели нас в лагерь, развернулись и ушли. Нас привели в длинное здание с цементным полом и печкой, после чего надзирательницы приказали раздеться. Мы стояли голые и дрожали, пока всех нас тщательно не обыскали. Ощупали наши волосы, подмышки, посмотрели под грудью и залезали пальцами в рот. Вскоре мне стало жарко, но не от тепла печки, а от злости, причину которой я тогда еще не могла до конца понять. У вас бывают такие приступы ярости, Анатолий? Такой ярости, которая бушует внутри вас и может вспыхнуть, как бензин, к которому поднесли горящую спичку? Бывают ли у вас такие приступы ярости ночью, как это происходит у меня? Ярости от осознания того, в каком положении вы сейчас находитесь? Или власть, неважно, какой ценой достигнутая, является единственным лекарством от этой напасти?

После досмотра мы выстроились в другую очередь. Да, Анатолий, в ГУЛАГе всегда есть очереди. Нам выдали обмылки и включили воду в душах. Вода была холодной, но, поскольку все мы замерзли, она казалась горячей. Мы обсохли, после чего нас обсыпали каким-то порошком, чтобы убить паразитов, которые могли быть на наших телах.

За столом сидела полька с чудесными прядями волос цвета льна, обрамлявшими ее частично лысую голову. Она штопала и зашивала дырки в серых, как предгрозовое небо, тюремных робах. Она бросала взгляд на каждую из нас по очереди и показывала на ворох роб, лежащий слева или справа от нее. В одном ворохе лежали роботы большого размера, во втором – еще большего.

Потом женщина с торчащими ушами и большим носом раздала каждой из нас по паре обуви и даже не удосужилась поинтересоваться, подходит ли она нам или нет. Я вставила ступни в черные кожаные ботинки и немного прошлась, после чего у меня отвалились оба каблука. Потом я целый месяц экономила выдаваемый мне сахар, чтобы обменять его у другой заключенной (не на другую

пару обуви, для чего мне надо было копить свою пайку сахара целых три месяца) на несколько маленьких гвоздей, которыми прибила каблуки к подошве.

Нас построили в колонну по трое и повели в барак № 11, в котором мне, Анатолий, было суждено прожить следующие три года.

По пути мне пришлось шаркать ногами, чтобы не потерять ботинки.

В бараке № 11 было пусто, потому что все его обитательницы были на работах. Надзирательница показала на незанятые трёхъярусные нары в дальнем углу барака, расположенные максимально далеко от печурки. Мы прошли к койкам, пригнув голову под висящими на натянутых веревках выстиранным нижним бельем и носками. В воздухе пахло луком и потными телами. Это был успокаивающий нас запах жизни.

Я положила выданное мне шерстяное одеяло на верхние нары в предпоследнем ряду, ближе к дальней стене барака. Я выбрала их, потому что на нары под ними положила свое одеяло женщина невысокого роста, на которую я обратила внимание еще в вагоне. Навскидку ей было где-то, как и мне, между тридцатью и сорока годами. У нее были темные волосы и нежные руки. Я думала, что мы можем подружиться. Ее звали Анна.

Но я так и не подружилась с ней. В бараке № 11 я вообще ни с кем не подружилась. В конце рабочего дня мы так уставали, что должны были экономить свою энергию для того, чтобы подняться с нар на следующий день.

Первая ночь в Потье была тихой. Все ночи в Потье были одинаковыми. Лишь завывания ветра успокаивали нас, помогая уснуть. Иногда по всему лагерю раздавался, словно сирена воздушной тревоги, пронзительный плач женщины, не выдержавшей одиночества. Этот крик и плач быстро «гасили» – как, никто из нас не хотел себе представлять. И хотя эти крики и плач слышали все, никто о них никогда не упоминал, но все мы беззвучно рыдали в душе.

Мой первый день на работах был тяжелым. Земля, которую надо было копать, была крепкой и промерзшей, а мотыга, которую мне выдали, такой тяжелой, что я не могла поднять ее выше пояса. Уже через полчаса работы все ладони у меня были сбиты. Я замахивалась мотыгой со всей силой, но откалывала полоску земли шириной в палец. Рядом со мной работала женщина, которой повезло больше, чем мне. У нее была лопата, и она могла налечь на нее своим весом. Это давало возможность копать более продуктивно. У меня была только кирка и участок, на котором я работала.

Если я делала норму, то мне давали еду.

В первый день в лагере я ничего не ела.

На второй день реабилитации я тоже ничего не ела.

На третий день мои успехи в работе были такими же, как и в предыдущие дни, и мне опять не выдали мою пайку. Проходя мимо меня в очереди в туалет, одна из молодых монахинь отломала мне кусок от своей хлебной пайки. Я была ей очень благодарна и впервые с тех пор, как меня забрали из моей московской квартиры, я подумала о том, что мне, возможно, надо начать молиться.

Монахини, которые были среди заключенных, меня поражали, Анатолий. Это была небольшая группа полек, очень преданных своей вере и более упертых, чем самые закоренелые преступники. Они отказывались подчиняться приказам охранников. Они громко молились во время переключки, что дико раздражало охранников. Меня их молитвы утешали, хотя я вовсе не была религиозной. Их наказывали – вытаскивали за робу и перед строем заставляли перед всеми встать на колени. Одну монахиню заставили так стоять весь день, упираясь коленями в каменистую землю. Но она не сдалась и все время молилась с лицом Святой Дурочки. Пальцами она перебирала невидимые четки, хотя лицо ей пекло солнце, а по ногам стекала в пыль моча.

Пару раз охранники сажали всех монахинь в карцер. Это был самый первый построенный в лагере деревянный барак, в котором крыша уже наполовину провалилась. Там было холодно и водились крысы и насекомые.

Я не могла не завидовать монахиням, хотя у них были гораздо более длинные приговоры, чем у меня.

Они были в группе, они не ждали весточки с воли, о которой мечтала каждая из нас. Несмотря на то, что их могли разлучать, они никогда не впадали в отчаяние, которое охватило души всех остальных. Они не были одиноки и всегда находились в компании с Господом. Я же всю свою веру вложила в человека, в Боря, смертного и поэта. Я не получала от него никаких известий и даже понятия не имела, жив он или нет.

На четвертый день на моих ранее нежных ладонях образовалась мозоль, и я уже могла полноценно работать киркой. Я поднимала кирку над головой и вонзала ее в землю с чудовищной силой. К концу дня я сделала свою норму и получила свой дневной рацион. Правда, тогда я смогла съесть только часть. Мое тело привыкало к новой жизни быстрее, чем мой ум. Ведь именно так всегда и происходит, верно, Анатолий?

Прошли эти страшные первые дни, потом недели, потом месяцы, а потом и года. Это были не дни в календаре, а количество выкопанных в земле ям и количество пойманных на теле вшей. Эти годы прошли в мозолях, волдырях и убитых в бараке тараканах. Существовало всего два времени года: зима и лето, и непонятно, что было хуже.

Я поняла, что нужно человеческому телу для того, чтобы выжить. Телу для этого особо много не надо. Я могла выжить на 800 граммах хлеба, двух кубиках сахара и супе, таком жидком, что было непонятно, что это – еда или подсоленная вода.

Но чтобы выжить и остаться в здравом уме, нужно гораздо больше, поэтому Боря всегда был со мной рядом. Мне казалось, что я чувствую, когда он обо мне думает, – в те моменты я ощущала покалывание на задней стороне шеи и на руках, вниз от плеч к ладоням. Я периодически чувствовала это в течение нескольких месяцев, но потом прошел год без этого ощущения, потом еще один. Что бы это могло значить? То, что его нет в живых? Если меня отправили в ГУЛАГ, то его наверняка тоже не пожалели.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В романе Ольга Ивинская едет в лагерь мимо МКАД (в 1949), однако МКАД начали строить только в 1956 г. – Прим. ред.

2

В Вашингтоне существует район Foggy Bottom. Это выражение так же можно перевести как «Мокрая / туманная задница». – Здесь и далее прим. пер.

3

Scarlett O’Hara – главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости, темперамента и умения выживать (англ.).

Певец Nat King Cole был черным.

Купить: https://tellnovel.me/prescott_lara/sekrety-kotorye-my-hranim-tri-zhenschiny-izmenivshie-sud-bu-doktora-zhivago

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)